*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС

# ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1940

## ОТ РЕДАКЦИИ

Ниже публикуются четыре работы Маркса и Энгельса, посвященные франко-прусской войне и Парижской коммуне: три воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих от 23 июля и 9 сентября 1870 г. и от 30 мая 1871 г., написанные Марксом, и «Введение» к ним, написанное Энгельсом в марте 1891 г.

Первые два воззвания Генерального Совета вскрывают истинный характер и причины франко-прусской войны, явившейся прелюдией Парижской коммуны, определяют вероятные последствия этой войны и намечают тактику по отношению к ней для рабочего класса как Германии, так и Франции. Они являются, как указывает Энгельс, «выдающимися образцами удивительного... дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились»*.

Центральное место в «Гражданской войне во Франции» занимает воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих по поводу гражданской войны во Франции, по поводу Парижской коммуны.

Парижская коммуна была событием всемирно-исторического значения. Маркс писал: «она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда» **.

Парижская коммуна открыла собой новый период в истории современного общества — период начавшегося упадка капитализма и его постепенного перехода в последнюю — империалистическую —

---

* *Ф. Энгельс.* См настоящее издание, стр. 7.

** См. настоящее издание, стр. 57.

стадию развития, когда пролетарская революция становится прямой неизбежностью, вопросом непосредственной практики. Парижская коммуна явилась прообразом диктатуры пролетариата, установленной в России в результате победоносной социалистической революции в Октябре 1917 г., открывшей новую эру в истории человечества.

Парижская коммуна вдохновляла пролетариат всего мира на борьбу против капиталистического строя и вооружала его своим опытом борьбы за власть, за социализм. «На плечах Коммуны, — писал Ленин в 1905 г., — стоим мы все в теперешнем движении» *.

В воззвании Маркс «глубоко, метко, блестяще и действенно-революционно» *(Ленин)* оценивает значение Парижской коммуны. Основной идеей этого гениального произведения является, как говорит Ленин, та мысль, что «завоевание *политической власти* пролетариатом *не* есть овладение «готовой» государственной машиной, *а*... «разбитие», разрушение ее и *замена* новой». «Какой же новой?»—спрашивает Ленин. И отвечает: «Маркс изучает *опыт* Коммуны, он не сочиняет этой «новой» власти, а изучает, *как* сами революции «*открывают*»... ее, как само рабочее движение *подходит* к этой задаче, как *практика* начинает решать ее» **.

Спустя двадцать лет, в 1891 г., Энгельс переиздал эти три воззвания, сопроводив их своим «Введением», в котором дал «замечательно рельефную сводку уроков Коммуны» ***, подытожил ее уроки для борющегося пролетариата. «Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны... может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу» **** (вопросу о государстве. *Ред.*).

Маркс и Энгельс дали основную идею диктатуры пролетариата как политического господства пролетариата и как метода свержения власти капитала путем насилия. Опираясь на опыт Парижской коммуны, Маркс, как это показал Ленин в своей работе «Государство и революция», конкретизировал свое учение о диктатуре пролетариата указанием на то, что не парламентарная республика, а политическая организация типа Парижской коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата. «Но, к сожалению, это указание Маркса не получило дальнейшего развития в трудах Маркса и было предано забвению» *****.

Ленин, а вслед за ним Сталин и другие ученики Ленина были единственными марксистами, которые не только возродили револю-

---

* *В. И. Ленин.* Соч., т. XXX, стр. 112.
** «Ленинский сборник» XIV, стр. 311.
*** *В. И. Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 421.
**** *Там же.*
***** «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 340.

ционное содержание марксизма, опошленное оппортунистами II Интернационала, но и развили марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата.

Русская революция 1905 г. и особенно революция в феврале 1917 г. выдвинула новую форму политической организации общества — Совет рабочих и крестьянских депутатов. «На основании изучения опыта двух революций в России Ленин, исходя из теории марксизма, пришел к выводу, что наилучшей политической формой диктатуры пролетариата является не парламентарная демократическая республика, а республика Советов» *.

Более чем двадцатилетний опыт строительства социализма в Советском Союзе обогатил марксистское учение о государстве новым содержанием. Труды товарища Сталина, его исторический доклад на XVIII съезде ВКП(б) представляют собой дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории о государстве и формулируют законченное учение о государстве рабочего класса в период революционного перехода от капитализма к коммунизму.

* * *

Первое и второе воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны были опубликованы в Лондоне отдельными брошюрами на английском языке.

Воззвание Генерального Совета по поводу гражданской войны во Франции было опубликовано 13 июня 1871 г. в Лондоне тоже отдельной брошюрой на английском языке.

«Введение» Энгельса впервые было опубликовано в журнале «Neue Zeit» в марте 1891 г. Вслед за тем оно появилось в конце апреля того же года в отдельном издании в качестве введения к трем упомянутым выше воззваниям, объединенным Энгельсом под общим названием «Гражданская война во Франции».

«Гражданская война во Франции» приобрела широкую популярность во всем мире и выдержала более 75 изданий на 19 языках.

Особенно широкое распространение она получила в СССР. На русском языке вышло 32 издания общим тиражом более 1 200 тысяч экземпляров. Первое издание воззвания по поводу гражданской войны во Франции появилось в свет на русском языке в 1871 г. в Женеве. Первое русское издание «Введения» было напечатано тоже в Женеве, в 1893 г. В 1905 г. в Одессе издательством «Буревестник» был опубликован новый русский перевод с немецкого «Гражданской войны во Франции» под редакцией Ленина, в который впервые были включены оба воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны.

---

* «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 340.

Для настоящего издания перевод заново сверен с английским и немецким оригиналами и при этом внесено большое количество исправлений. При сверке были учтены переводы на русский язык отдельных выдержек из «Гражданской войны во Франции», выполненные лично Лениным. (См. *Ленин*, «Государство и революция», Соч., т. XXI, и материалы по подготовке брошюры «Государство и революция» — «Ленинский сборник» XIV, а также Соч., т. X, стр. 174; т. XIX, стр. 185; т. XX, стр. 35, 64, 120, 204, 397, и т. XXIII, стр. 322, 344, 349.)

Учтен также упомянутый выше перевод с немецкого под редакцией Ленина, вышедший в 1905 г. в издании «Буревестника».

«Введение» Энгельса подготовлено к печати *К. Л. Селезневым*, а три «Воззвания Генерального Совета» Маркса — *С. М. Абалиным*. Работа проведена под руководством *В. В. Адоратского*.

*Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).*

# ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

## ВВЕДЕНИЕ

Предложение переиздать воззвание Международного Генерального Совета о «Гражданской войне во Франции» и снабдить его введением было для меня неожиданным. Поэтому я могу здесь лишь вкратце затронуть важнейшие пункты.

Вышеупомянутой, большей по размерам, работе я предпосылаю оба более кратких воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны. Во-первых, потому, что в «Гражданской войне» есть ссылки на второе воззвание, которое само по себе, без первого, не везде понятно. А также и потому, что оба эти воззвания, тоже написанные Марксом, являются не менее, чем «Гражданская война», выдающимися образцами удивительного, впервые проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились. И, наконец, потому, что нам в Германии еще и поныне приходится страдать от предсказанных Марксом последствий этих событий.

Разве не оправдалось предсказание первого воззвания, что если оборонительная война Германии против Луи Бонапарта выродится в завоевательную войну против французского народа, то Германии придется вновь и еще в большей мере пережить все несчастья, которые постигли ее после так называемых освободительных войн? Не имели ли мы еще целых двадцать лет господства Бисмарка, а вместо преследований демагогов — исключительный закон и травлю социалистов, с тем же полицейским произволом, буквально с тем же возмутительнейшим толкованием закона?

И разве не буквально оправдалось предсказание, что аннексия Эльзас-Лотарингии «бросит Францию в объятия России» [1] и что после этой аннексии Германия должна будет либо открыто стать лакеем России, либо после короткой передышки начать готовиться к новой войне, а именно «расовой войне, войне против объединенных славянской и романской рас»? Разве аннексия французских провинций не бросила Францию в объятия России? Разве Бисмарк не домогался напрасно целых двадцать лет благоволения царя, прислуживая ему и припадая к стопам «святой Руси» еще более раболепно, чем привыкла это делать маленькая Пруссия, до того как она стала «первой великой европейской державой»? И разве не висит постоянно над нашими головами дамоклов меч войны, которая в первый же день развеет в прах все бумажные союзы государей, войны, относительно которой не известно ничего, кроме абсолютной неизвестности ее исхода, войны расовой, которая отдаст всю Европу на поток и разграбление пятнадцати или двадцати миллионам вооруженных солдат и которая еще не разразилась только потому, что абсолютная невозможность предвидеть ее конечные результаты внушает страх даже самому сильному из крупных военных государств?

Тем более является нашим долгом сделать вновь доступными для немецких рабочих эти полузабытые документы, блестяще свидетельствующие о дальновидности интернациональной рабочей политики 1870 г.

То, что я сказал об этих двух воззваниях, относится также к «Гражданской войне во Франции». 28 мая последние бойцы Коммуны пали на склонах Бельвиля в борьбе с превосходящими неприятельскими силами, а уже через два дня, 30 мая, Маркс прочел Генеральному Совету свое произведение, в котором историческое значение Парижской коммуны было изображено краткими, сильными чертами, но с такой меткостью и — главное — верностью, каких никогда не достигала вся последующая обширная литература по этому вопросу.

В результате экономического и политического развития Франции с 1789 г. в Париже в последние 50 лет сложилось такое положение, что каждая разражавшаяся в нем революция не могла не принимать характера пролетарской; таким образом, оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями. Эти требования были более или менее неясны и даже сбивчивы, в зависимости каждый раз от степени развития парижских

рабочих; но все они в конце концов сводились к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими. Как должно оно произойти, — этого, правда, не знали. Но уже самое требование, при всей его неопределенности, заключало в себе опасность для существующего общественного строя; рабочие, предъявлявшие это требование, бывали еще вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой, завоеванной рабочими, революции — новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих.

В первый раз это произошло в 1848 г. Либеральные буржуа, принадлежавшие к парламентской оппозиции, устраивали банкеты с целью провести избирательную реформу, которая обеспечила бы господство их партии. Борьба с правительством все больше и больше заставляла их апеллировать к народу, и им приходилось постепенно уступать первое место радикальным и республиканским слоям буржуазии и мелкой буржуазии. Но за последними находились революционные рабочие, которые с 1830 г. приобрели гораздо больше политической самостоятельности, чем предполагали буржуа и даже республиканцы. Как раз тогда, когда в отношениях между правительством и оппозицией наступил кризис, рабочие начали уличную борьбу; Луи-Филипп исчез, а с ним исчезла и избирательная реформа; взамен нее возникла республика, и притом такая, которую победившие рабочие объявили даже «социальной» республикой. Что надо было разуметь под этой социальной республикой — никому не было ясно, даже и самим рабочим. Но они были теперь вооружены и стали силой в государстве. Поэтому первым делом стоявших у кормила правления буржуазных республиканцев, как только они почувствовали несколько более твердую почву под ногами, было разоружение рабочих. Это и было сделано при июньском восстании 1848 г., к которому рабочих вынудили прямым нарушением данного им слова, явным издевательством и попыткой выслать безработных в отдаленную провинцию. Правительство заранее обеспечило себе подавляющее превосходство сил. После пятидневной героической борьбы рабочие были побеждены. И тут началась над безоружными пленниками кровавая расправа, невиданная со времен гражданских войн, которые привели к падению римской республики. Буржуазия впервые показала, с какой безумной жестокостью мстит она пролетариату, когда он осмеливается выступить против нее как особый

класс с собственными интересами и требованиями. Но все же 1848 г. был еще детской игрой в сравнении с неистовствами буржуазии в 1871 г.

Возмездие следовало по пятам. Если пролетариат *еще* не мог, то буржуазия *уже* не могла править Францией. В то время, по крайней мере, не могла: в большинстве своем она была тогда еще монархической и была расколота на три династические партии [2] и четвертую — республиканскую. Ее внутренние раздоры позволили авантюристу Луи Бонапарту захватить весь аппарат власти — армию, полицию, административную машину — и 2 декабря 1851 г. [3] взорвать последнюю твердыню буржуазии, Национальное собрание. Началась Вторая империя [4] — эксплуатация Франции шайкой политических и финансовых авантюристов, но вместе с тем и такое промышленное развитие, какое было совершенно невозможно при мелочной и трусливой системе Луи-Филиппа, при исключительном господстве лишь небольшой части крупной буржуазии. Луи Бонапарт взял у капиталистов их политическую власть под предлогом защиты буржуазии против рабочих и, с другой стороны, рабочих против буржуазии; но в то же время его господство благоприятствовало спекуляции и промышленной деятельности, короче говоря — невиданному до тех пор экономическому подъему и обогащению буржуазии в целом. Еще больше способствовало его господство продажности и массовому хищничеству, центром которых стал императорский двор, получивший таким образом крупный процент с этого обогащения.

Но Вторая империя являлась призывом к французскому шовинизму; это было требование возврата потерянных в 1814 г. границ Первой империи, по меньшей мере — границ первой республики. Французская империя в границах старой монархии и даже в еще более урезанных границах 1815 г. не могла быть долговечной. Отсюда необходимость время от времени вести войну и расширять границы. Но никакое расширение границ не увлекало так сильно фантазию французских шовинистов, как расширение за счет немецкого левого берега Рейна. Одна квадратная миля на Рейне имела в их глазах больше цены, чем десять миль в Альпах или где-нибудь в другом месте. Пока существовала Вторая империя, требование возврата левого берега Рейна, — сразу или по частям, — было лишь вопросом времени. Это время наступило вместе с австро-прусской войной 1866 г. Обманутый в своих ожиданиях «территориального вознаграждения» Бисмарком, а также своей собственной сверх-

хитроумной нерешительной политикой, Наполеон не имел другого выхода, кроме войны, которая вспыхнула в 1870 г. и привела его к Седану, а затем и к плену в Вильгельмсгэе.

Неизбежным следствием была революция 4 сентября 1870 г. в Париже. Империя рассыпалась, как карточный домик; снова была провозглашена республика. Но неприятель стоял у ворот; войска империи частью были осаждены в Меце, без надежды на освобождение, частью находились в плену в Германии. В этом критическом положении народ позволил парижским депутатам бывшего законодательного корпуса образовать из своей среды «правительство национальной обороны». Пошли на это тем скорее, что теперь все парижане, способные носить оружие, были, в целях обороны, зачислены в Национальную гвардию и вооружены, так что рабочие составляли в ней теперь огромное большинство. Но уже вскоре прорвался наружу антагонизм между правительством, состоявшим почти поголовно из буржуа, и вооруженным пролетариатом. 31 октября рабочие батальоны взяли штурмом ратушу и арестовали нескольких членов правительства. Измена, прямое нарушение правительством данного им слова и вмешательство нескольких мелкобуржуазных батальонов привели к освобождению арестованных; но, чтобы не дать разгореться гражданской войне в осажденном вражеской силой городе, прежнее правительство было оставлено у власти.

Наконец, измученный голодом Париж 28 января 1871 г. капитулировал, но капитулировал на небывалых в военной истории почетных условиях. Форты были сданы, с крепостного вала были сняты орудия, линейные полки и мобили сдали оружие, сами они были объявлены военнопленными. Но Национальная гвардия сохранила свое оружие и пушки и заключила с победителями только перемирие. Победители не решались с триумфом войти в Париж; они осмелились занять только небольшой уголок Парижа, часть которого вдобавок состояла из общественных парков, да и этот уголок они заняли всего лишь на несколько дней! И в течение этого времени победители, державшие Париж в осаде 131 день, были сами осаждены вооруженными парижскими рабочими, неусыпно следившими за тем, чтобы ни один «пруссак» не перешагнул узких границ предоставленного чужеземному завоевателю уголка. Такое уважение к себе внушили парижские рабочие войску, перед которым сложили оружие все армии империи. Прусские юнкера,

пришедшие сюда, чтобы отомстить очагу революции, были вынуждены почтительно остановиться как раз перед этой вооруженной революцией и салютовать ей!

Во время войны парижские рабочие ограничивались требованием энергичного продолжения борьбы. Но теперь, когда после капитуляции Парижа был заключен мир, глава нового правительства, Тьер, должен был убедиться, что господство имущих классов — крупных землевладельцев и капиталистов — будет в постоянной опасности, пока парижские рабочие будут вооружены. Первым его делом была попытка их разоружить. 18 марта он послал линейные войска с приказом захватить артиллерию Национальной гвардии, изготовленную на общественный счет, по подписке, во время осады Парижа. Эта попытка не удалась; весь Париж поголовно взялся за оружие для самообороны, и война между Парижем и находившимся в Версале французским правительством была объявлена. 26 марта была избрана и 28-го провозглашена Парижская коммуна. Центральный комитет Национальной гвардии, державший до тех пор власть в своих руках и успевший уже издать декрет об упразднении скандальной парижской «полиции нравов», передал свои полномочия Коммуне. 30 марта Коммуна упразднила рекрутский набор и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой Национальную гвардию, составленную из всех граждан, способных носить оружие. Коммуна аннулировала все счета по квартирной плате за время с октября 1870 г. по апрель 1871 г., с зачислением уже выплаченных сумм в счет квартирной платы за будущее время, и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены выбранные в Коммуну иностранцы, так как «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики». — 1 апреля было установлено, что жалованье служащих Коммуны, а стало быть и ее членов, не должно превышать 6 000 франков (4 800 марок). На следующий день был издан декрет об отделении церкви от государства и об отмене всех государственных расходов на религиозные цели, а также о национализации всех церковных имуществ; 8 апреля было в соответствии с этим отдано распоряжение, которое и стало постепенно проводиться в жизнь, — об изъятии из школ всех религиозных символов, образов, догматов, молитв, — словом, «всего того, что касается совести каждого отдельного лица». — 5 апреля, ввиду ежедневно повторявшихся расстрелов версальскими войсками пленных бойцов Коммуны, был издан декрет об аресте залож-

ников, который никогда целиком не был приведен в исполнение. — 6 апреля 137-м батальоном Национальной гвардии была извлечена гильотина и при всенародном ликовании публично сожжена. — 12 апреля Коммуна постановила низвергнуть на Вандомской площади колонну Победы, которая была отлита Наполеоном после войны 1809 г. из отбитых у неприятеля пушек и являлась символом шовинизма и национальной вражды. — 16 мая это постановление было приведено в исполнение. — 16 апреля Коммуна распорядилась произвести учет остановленных фабрикантами фабрик и разработать план пуска в ход этих фабрик силами занятых на них рабочих, которые должны были объединиться в кооперативные товарищества, а также разработать план объединения этих товариществ в один большой союз. — 20 апреля она отменила ночную работу булочников и уничтожила конторы для приискания работы, составлявшие со времени Второй империи монополию назначавшихся полицией личностей — перворазрядных эксплуататоров рабочих; эти конторы были переданы в ведение мэрий двадцати районов Парижа. — 30 апреля она распорядилась об упразднении ссудных касс, служивших средством частной эксплуатации рабочих и противоречивших праву последних на их орудия труда и на кредит. — 5 мая она постановила снести часовню, построенную во искупление казни Людовика XVI.

Так, начиная с 18 марта, стал резко и решительно проявляться чисто классовый характер парижского движения, затемненный до тех пор борьбой против вражеского вторжения. Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок. Но город был осажден, поэтому могли быть сделаны только первые шаги. Уже с начала мая все силы уходили на борьбу со все более возраставшими численно войсками версальского правительства.

7 апреля версальцы захватили переправу через Сену у Нейи, на западном фронте Парижа; но 11 апреля их нападение на южный фронт было отбито генералом Эдом с большими потерями с их стороны. Те же люди, которые клеймили бомбардировку Парижа пруссаками как святотатство, теперь сами непрерывно бомбардировали его. Эти же люди умоляли теперь прусское правительство поскорее прислать обратно взятых в плен при Седане и Мецце французских солдат, которые должны были отвоевать для них Париж. Постепенное прибытие этих войск дало версальцам с начала мая решительный перевес. Это стало ясно уже 23 апреля, когда Тьер прервал начатые по предложению Коммуны переговоры об обмене архиепископа парижского и целого ряда других попов, задержанных в Париже в качестве заложников, на одного Бланки, дважды выбранного в Коммуну, но заключенного в Клерво. Еще яснее обнаружилось это в изменившемся тоне речей Тьера; до тех пор сдержанные и двусмысленные, они теперь стали вдруг наглыми, грубыми, угрожающими. На южном фронте версальцы заняли 3 мая редут Мулен-Саке, 9-го — форт Исси, целиком разрушенный бомбардировкой, 14-го — форт Ванв. На западном фронте, занимая многочисленные деревни и строения, простиравшиеся вплоть до городской стены, они постепенно продвинулись до главной линии укреплений; 21 мая, вследствие измены и в результате беспечности стоявшей здесь Национальной гвардии, им удалось проникнуть в город. Пруссаки, занимавшие северные и восточные форты, позволили версальцам пройти через находящийся в северной части города район, который по условиям перемирия был для них закрыт, и произвести, таким образом, атаку по длинному фронту, который парижане по условиям перемирия должны были считать обеспеченным от нападения и поэтому сравнительно слабо защитили. Вот почему и сопротивление, которое было оказано в западной половине Парижа, в самых богатых кварталах города, было сравнительно слабым; оно становилось тем яростнее и упорнее, чем ближе подходили вторгающиеся войска к восточной половине столицы, к собственно рабочему району города. Лишь после восьмидневной борьбы пали последние защитники Коммуны на высотах Бельвиля и Менильмонтана, и тогда убийства безоружных мужчин, женщин и детей, происходившие все с большей свирепостью в течение целой недели, достигли своего апогея. Усовершенствованное ружье убивало недостаточно быстро, и побежденных расстре-

ливали сотнями из митральез. «Стена коммунаров» на кладбище Père Lachaise, где произошло последнее массовое избиение, стоит еще и теперь, как немой, но выразительный свидетель того бешенства, на какое способен господствующий класс, когда пролетариат осмеливается выступить на защиту своих прав. Затем, когда оказалось, что перебить всех невозможно, начались массовые аресты и расстрелы жертв, произвольно взятых из рядов пленных; остальных уводили в большой лагерь, где они должны были ожидать военного суда. Прусским войскам, окружавшим Париж с северо-востока, было приказано не пропускать ни одного беглеца, но офицеры нередко смотрели сквозь пальцы, когда солдаты повиновались больше чувству гуманности, чем приказу начальства. Особенно прославился своим гуманным поведением саксонский армейский корпус, пропустивший многих заведомых борцов Коммуны.

* * *

Если мы теперь, спустя двадцать лет, взглянем на деятельность и историческое значение Парижской коммуны 1871 г., то увидим, что к изложенному в «Гражданской войне во Франции» следует сделать еще некоторые дополнения.

Члены Коммуны разделялись на большинство, состоявшее из бланкистов, которые господствовали и в Центральном комитете Национальной гвардии, и меньшинство, состоявшее из членов Международного Товарищества Рабочих, преимущественно последователей социалистической школы Прудона. Бланкисты были тогда социалистами большей частью лишь по революционному пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более ясного понимания принципиальных положений благодаря Вайяну, который был знаком с немецким научным социализмом. Отсюда становится понятным, почему Коммуна в экономической области упустила многое такое, что, по нашим нынешним представлениям, сделать ей было необходимо. Труднее всего, конечно, понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с Коммуной. Но гораздо более поразительно то обстоятельство, что Коммуна часто поступала совершенно правильно, несмотря на то, что она состояла из

бланкистов и прудонистов. За экономические декреты Коммуны,—и за их достоинства, и за их недостатки, — само собою разумеется, прежде всего несут ответственность прудонисты, а за ее политические действия и промахи — бланкисты. Как это бывает обычно, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, чему учила их школьная доктрина.

Прудон, этот социалист мелких крестьян и ремесленников, прямо-таки ненавидел ассоциацию. Он говорил, что в ней больше дурного, чем хорошего, что она по природе своей бесплодна, даже вредна, что она — цепь, сковывающая свободу рабочего, пустая догма, бесполезная и обременительная, противоречащая не только свободе рабочего, но и экономии труда; что ее недостатки возрастают быстрее, чем ее преимущества, и что в противоположность ей конкуренция, разделение труда, частная собственность являются полезными экономическими силами. Только в исключительных случаях, как называет их Прудон, — в крупной промышленности и на крупных предприятиях, например на железных дорогах, — рабочая ассоциация уместна (см. «Idée générale de la Révolution», 3-e étude*).

А в 1871 г. крупная промышленность уже настолько перестала быть исключением даже в Париже, этом центре художественного ремесла, что самый важный декрет Коммуны предписывал организацию крупной промышленности и даже мануфактуры на основе рабочих ассоциаций, и притом таких, которые должны были не только создаваться на каждой отдельной фабрике, но и объединиться в один большой союз. Такая организация, как совершенно правильно замечает Маркс в «Гражданской войне», в последнем счете должна была вести к коммунизму, т. е. к прямой противоположности учению Прудона. Вот почему Коммуна была могилой прудоновской социалистической школы. Эта школа теперь исчезла в среде французских рабочих; здесь полновластно царит теория Маркса среди «поссибилистов» не в меньшей мере, чем среди «марксистов». Только в среде «радикальной» буржуазии еще встречаются прудонисты.

Не лучшая участь постигла и бланкистов. Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные соответствующей этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнитель-

---

* Энгельс имеет в виду книгу Прудона «Общая идея революции XIX века». 3-й очерк. Париж. 1851. *Ред.*

но небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но, действуя с огромной, неукротимой энергией, удержать ее в своих руках, пока не удастся вовлечь народ в революцию и сгруппировать его вокруг небольшой кучки вожаков. Для этого прежде всего необходима была строжайшая диктаторская централизация всей власти в руках нового революционного правительства. Что же сделала Коммуна, большинство которой состояло именно из этих бланкистов? Во всех своих прокламациях к населению французской провинции она призывала его объединить все коммуны Франции с Парижем в одну свободную федерацию, в одну национальную организацию, которую впервые должна была создать действительно сама нация. Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 г. и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало как желательное орудие и использовывало его против своих противников, — именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а, с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время. В чем до сих пор состояла характерная особенность государства? Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Это можно видеть, к примеру, не только в наследственной монархии, но и в демократической республике. Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у кормила правления, управляется в свою очередь людьми, которые из политики делают себе выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях Союза

и отдельных штатов или же черпают средства к существованию из агитации за свою партию и получают после победы в качестве вознаграждения должности. Известно, сколько усилий затратили в течение последних тридцати лет американцы, чтобы стряхнуть это ставшее невыносимым иго, и как они, несмотря на это, все более погружаются в болото продажности. Именно в Америке лучше всего видно, как развивается это обособление государственной власти от общества, для которого она первоначально должна была служить только орудием. Там нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, исключая горстки солдат, следящих за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсию. И все же мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее самым грязным образом и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших союзов политиков, которые будто бы служат ей, а в действительности господствуют над ней и грабят ее.

Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6 000 франков. Таким образом, была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того.

Этот взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философии, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле; государство

является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т. е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделываются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности.

В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата.

Лондон.

*Написано Ф. Энгельсом*
*и опубликовано*
*в день двадцатой годовщины*
*Парижской коммуны*
*18 марта 1891 г.*

# ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

## ПЕРВОЕ ВОЗЗВАНИЕ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ

*Членам Международного Товарищества Рабочих в Европе и Соединенных Штатах*

В Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих от ноября 1864 г. мы говорили: «Если освобождение рабочего класса требует братского единения и сотрудничества рабочих, то каким образом они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа?» И мы характеризовали внешнюю политику, которой добивается Интернационал, в следующих словах: «Чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами».

Не удивительно, что Луи Бонапарт, который свою власть узурпировал, использовав классовую борьбу во Франции, и продлил свое господство посредством ряда внешних войн, с самого начала относился к Интернационалу, как к опасному врагу. Накануне плебисцита [5] он устраивает поход против членов распорядительных комиссий Международного Товарищества Рабочих в Париже, Лионе, Руане, Марселе, Бресте, — словом, во всей Франции, под тем предлогом, что Интернационал является тайным обществом и готовит заговор с целью убить его; нелепость этой выдумки была вскоре раскрыта его собственными судьями. В чем же состояло действительное преступление французских секций Интернационала? В том, что они открыто и настойчиво говорили французскому народу: голосовать за плебисцит — значит голосовать за внутренний деспотизм и за внешнюю войну. И действительно, делом их рук было то, что во всех больших городах, во всех промышленных центрах Франции рабочий класс, как один человек, восстал против плебисцита.

К несчастью, голоса рабочих были подавлены ввиду глубокого невежества сельских округов. Биржи, кабинеты держав, господствующие классы и печать всей Европы торжествовали победу плебисцита как блестящую победу французского императора над французским рабочим классом; в действительности же плебисцит был сигналом к умерщвлению не одной личности, а целых народов.

Военный заговор июля 1870 г.[6] является только улучшенным вариантом государственного переворота в декабре 1851 г. На первый взгляд дело казалось столь нелепым, что Франция не хотела верить в серьезность слухов о войне. Гораздо охотнее верила она депутату, который в воинственных речах министров видел простую биржевую уловку. Когда, наконец, 15 июля Законодательному корпусу было заявлено о войне официально, вся оппозиция отказалась утвердить предварительные расходы; даже Тьер заклеймил войну как нечто «гнусное»; все независимые парижские газеты осуждали ее, и, к удивлению, провинциальная печать почти целиком с ними соглашалась.

Между тем парижские члены Интернационала вновь взялись за работу. В «Reveil» 12 июля они опубликовали манифест «К рабочим всех наций», в котором сказано:

«Снова политическое честолюбие, под предлогом европейского равновесия и защиты национальной чести, грозит всеобщему миру. Французские, немецкие и испанские рабочие! Соединим свои голоса в один общий крик возмущения против войны!.. Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии не может в глазах рабочих быть чем-нибудь иным, кроме преступного безумия. Мы, — те, кто хочет мира, работы и свободы, — мы громко протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественное несчастье служит источником новой спекуляции!.. Братья в Германии! Вражда между нами, французскими и немецкими рабочими, имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна... Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции».

За этим манифестом наших парижских секций последовало множество подобных же французских воззваний, из

которых мы здесь можем привести только одно, принадлежащее секции в Neuilly-sur-Seine [Нейи-на-Сене] и опубликованное в газете «Marseillaise» от 22 июля. «Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя справедливости, во имя демократии, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протестам Интернационала против войны».

Эти протесты выражали истинные чувства французских рабочих, как вскоре и показало ясно одно интересное происшествие. Когда банду «10 декабря» [7], первоначально организованную во время президентства Луи Бонапарта, переодели в рабочие блузы и выпустили на улицы Парижа, чтобы посредством индейских военных плясок разжечь военную лихорадку, действительные рабочие предместий ответили такими внушительными демонстрациями в пользу мира, что полицейский префект Пьетри счел нужным сразу положить конец всяким дальнейшим уличным демонстрациям под тем предлогом, что преданный парижский народ достаточно проявил свой долго сдерживаемый патриотизм и дал исход своему неиссякаемому военному энтузиазму.

Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией,— похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи*.

Для Германии война эта является оборонительной. Но кто привел Германию в положение необходимости обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной, как Бисмарк, конспирировал с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и закрепить Германию за династией Гогенцоллернов. Если бы битва при Садовой [8] не была выиграна, а проиграна, французские батальоны наводнили бы Германию в качестве союзников Пруссии. Разве Пруссия после победы хоть на минуту подумала о том, чтобы порабощенной Франции противопоставить свободную Германию? Как раз наоборот! Она ревниво оберегала исконные прелести своей старой системы и в добавление к ним позаимствовала у Второй империи все ее уловки: ее фактический деспотизм и фальшивую демократичность, ее политические фокусы и финансовые

мошенничества, ее высокопарные фразы и самое низкое жульничество. Бонапартистский режим, который до сих пор процветал только на одном берегу Рейна, нашел себе, таким образом, двойника на другом берегу его. А при таком положении дел чего иного можно было ждать, кроме *войны?*

Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа, — тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны. Все те несчастья, которые постигли Германию после освободительной войны, обрушатся на нее снова с еще большей жестокостью.

Принципы Интернационала, однако, слишком широко распространились и слишком глубокие корни пустили среди немецкого рабочего класса, чтобы мы должны были опасаться столь печального исхода. Голос французских рабочих нашел себе отклик в Германии. Громадное рабочее собрание в Брауншвейге 16 июля объявило себя вполне солидарным с парижским манифестом, решительно отвергло всякую мысль о национальной вражде к Франции и приняло резолюцию, в которой сказано: «Мы — враги всяких войн, но прежде всего — войн династических... С глубокой печалью и болью мы видим себя вынужденными принять участие в оборонительной войне, как в неизбежном зле; но в то же время мы призываем весь рабочий класс Германии сделать невозможным повторение столь ужасного социального несчастья, добиваясь при этом для народов власти самим решать вопрос о войне и мире и делая таким образом народы господами своей собственной судьбы».

В Хемнице собрание уполномоченных, представлявших 50 000 саксонских рабочих, единогласно приняло следующую резолюцию: «От имени немецкой демократии вообще, и в частности от имени рабочих социал-демократической партии, мы объявляем нынешнюю войну исключительно династической... С радостью пожимаем мы братскую руку, протянутую нам французскими рабочими. Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*», мы никогда не забудем, что рабочие *всех* стран — наши *друзья*, а деспоты *всех* стран — наши *враги*».

Берлинская секция Интернационала также ответила на парижский манифест: «Мы всей душой присоединяемся к вашему протесту... Мы даем великий обет в том, что ни звуки труб, ни гром пушек, ни победа, ни поражение

не отвратят нас от нашего общего дела объединения рабочих всех стран».

На заднем плане этой самоубийственной борьбы виднеется зловещая фигура России. Плохим признаком является то, что сигнал к нынешней войне был дан как раз в тот момент, когда русское правительство закончило постройку важных для него в стратегическом отношении железных дорог и уже сконцентрировало войска в направлении к Пруту. Хотя немцы и могут с полным правом рассчитывать на симпатии в своей оборонительной войне против бонапартистского нападения, — они потеряют эти симпатии сейчас же, как только допустят, чтобы прусское правительство призвало на помощь или хотя бы только приняло помощь казаков. Пусть они припомнят, что Германия после своей освободительной войны против Наполеона I целые десятилетия лежала распростертой у ног царя.

Английский рабочий класс братски протягивает руку французским рабочим, так же как и немецким. Он глубоко убежден, что, как бы ни кончилась предстоящая отвратительная война, союз рабочих всех стран, в конце концов, искоренит всякие войны. В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу друг с другом, рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — *труд!*

Предвозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих.

Лондон, High Holborn W. C.
23 июля 1870 г.

*Написано К. Марксом и утверждено на заседании Генерального Совета.*

*Напечатано отдельной брошюрой на английском языке.*

## ВТОРОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ

*Членам Международного Товарищества Рабочих в Европе и Соединенных Штатах*

В нашем первом воззвании от 23 июля мы сказали: «Похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи*».

Таким образом, еще раньше чем начались военные операции, мы уже смотрели на бонапартистский мыльный пузырь, как на дело прошлого.

Мы не заблуждались насчет жизнеспособности Второй империи. Мы не были также неправы в своем опасении, что для Германии «война потеряет свой чисто оборонительный характер и выродится в войну против французского народа». Оборонительная война действительно кончилась сдачей Луи Бонапарта, капитуляцией при Седане и провозглашением республики в Париже [9]. Но еще гораздо раньше этих событий, уже в тот самый момент, когда полная гнилость бонапартистского милитаризма выплыла наружу, прусская военная камарилья решилась превратить войну в завоевательную. Правда, *собственная прокламация короля Вильгельма в начале войны* была весьма неприятным препятствием для этих господ. В своей тронной речи к северо-германскому рейхстагу Вильгельм торжественно заявил, что он ведет войну только против французского императора, а не против французского народа. 11 августа он выпустил манифест к французской нации, в котором говорил: «Император Наполеон произвел на море и на суше нападение на немецкую нацию, которая хотела и теперь еще хочет жить в мире с французским народом; я взял на себя командование немецкой армией, *чтобы отразить его нападение, и ход военных*

*событий* привел меня к тому, чтобы *перейти границы Франции*». Не довольствуясь заявлением, что он взял на себя командование германской армией, «*чтобы отразить нападение*», Вильгельм, чтобы еще больше подтвердить чисто оборонительный характер войны, присовокупил, что только ход военных событий привел его к тому, чтобы перейти границы Франции. Оборонительная война, конечно, вовсе не исключает наступательных операций, продиктованных «ходом военных событий».

Таким образом, этот благочестивый король торжественно обещал пред Францией и пред всем миром вести чисто оборонительную войну. Как же освободить его от этого торжественного обещания? Режиссеры всей этой комедии должны были представить дело так, как будто бы он против своей воли подчиняется неотступным требованиям немецкого народа; для этого они сейчас же дали пароль немецкому либеральному среднему классу с его профессорами и капиталистами, с его депутатами и журналистами. Этот средний класс, который с 1846 по 1870 г. во время борьбы за гражданскую свободу выказал невиданную нерешительность, неспособность и трусость, был, конечно, чрезвычайно восхищен той ролью рыкающего льва немецкого патриотизма, в которой он должен был выступить на европейской сцене. Он надел на себя маску гражданской независимости, чтобы прикинуться, будто он принуждает прусское правительство выполнить тайные планы этого самого правительства. Он раскаивался в своей долголетней и почти религиозной вере в непогрешимость Луи Бонапарта и поэтому громко требовал раздробления французской республики. Остановимся хоть на минутку на благовидных доводах, пущенных в ход этими рыцарями патриотизма.

Они не осмеливаются утверждать, что население Эльзас-Лотарингии тоскует по немецким объятиям. Как раз наоборот. Чтобы наказать Страсбург за чувства патриотизма к Франции, его бесцельно и варварски, — ибо в военном отношении важен не город, а его самостоятельно расположенная, командующая над ним цитадель, — бомбардируют в течение шести дней «немецкими» взрывчатыми снарядами, зажигают город и убивают массу беззащитных жителей! Еще бы! Земля под этими провинциями некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. Не пришлось ли бы на этом основании конфисковать, как не потерявшую давности немецкую собственность, весь земной шар с его населением? Ведь если восстанавливать старую карту

Европы, согласно капризам любителей старины, то не следует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский состоял в качестве прусского владетельного князя вассалом польской республики.

Но изворотливые патриоты требуют Эльзаса и немецкой части Лотарингии как «материальной гарантии» против французских нападений. Так как эта гнусная уловка посеяла смуту в головах многих слабоумных людей, мы считаем своей обязанностью подробнее остановиться на ней.

Нет сомнения, что общее расположение Эльзаса и противоположного рейнского берега вместе с наличием, как раз почти на половине дороги между Базелем и Гермерсгеймом, такой большой крепости, как Страсбург, очень облегчает Франции вторжение в южную Германию, между тем как со стороны южной Германии, напротив, известным образом благодаря этому затрудняется вторжение во Францию. Нет, далее, сомнения в том, что присоединение Эльзаса и немецкой части Лотарингии сильно укрепило бы границы южной Германии: она могла бы тогда распоряжаться хребтом Вогезских гор на всем его протяжении и завладеть крепостями, прикрывающими их северные проходы. Если бы был присоединен также и Мец, то Франция сейчас несомненно была бы лишена двух важнейших операционных баз против Германии, но это не помешало бы ей создать новые при Нанси или Вердене. Германия имеет Кобленц, Майнц, Гермерсгейм, Раштадт и Ульм — все операционные базы, направленные специально против Франции. Германия прекрасно воспользовалась ими в последней войне. С какой же тенью права она может завидовать Франции, имеющей в этой области только две значительные крепости — Мец и Страсбург? Кроме того, Страсбург угрожает южной Германии только до тех пор, пока она разъединена с северной Германией. С 1792 до 1795 г. южная Германия ни разу не подвергалась нападению с этой стороны, потому что Пруссия принимала участие в войне против французской революции; но как только Пруссия в 1795 г. заключила свой сепаратный мир и предоставила юг самому себе, начались нападения на южную Германию и продолжались до 1809 г., причем Страсбург служил операционной базой. В сущности *объединенная* Германия может всегда обезвредить Страсбург и всякую французскую армию в Эльзасе, если она сконцентрирует все свои войска между Саарлуи и Ландау, как это было в настоящей войне, и двинет их вперед или примет бой по пути из Майнца в Мец. До тех пор, пока главная масса

немецких войск находится там, всякой французской армии, вступающей из Страсбурга в южную Германию, грозит опасность быть обойденной и отрезанной от базы. Если последняя кампания что-нибудь доказала, то именно легкость вторжения во Францию из Германии.

Но, рассуждая честно, разве не является вообще нелепостью и анахронизмом возводить военные соображения в принцип, согласно которому должны определяться национальные границы? Если следовать этому правилу, то Австрия все еще могла бы предъявлять претензию на Венецию, на линию реки Минчио, а Франция — на линию Рейна для защиты Парижа, который безусловно больше подвержен опасности нападения с северо-востока, чем Берлин с юго-запада. Если бы национальные границы определялись военными интересами, то претензиям не было бы конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новых примыкающих к ней областей; а сверх того эти границы никогда не могли бы быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктовал бы условия побежденному, и тут, следовательно, был бы уже зародыш новых войн.

С целыми нациями бывает то же самое, что и с отдельными людьми,— этому нас учит вся история. Чтобы отнять у них возможность нападения, нужно лишить их всех средств обороны. Нужно не только схватить их за горло, но и умертвить их. Если когда-нибудь победитель добивался «материальных гарантий», чтобы сломить силу нации, то это сделал Наполеон I своим Тильзитским договором [10] и тем, как он применял его по отношению к Пруссии и к остальной Германии. И все-таки несколько лет спустя все его гигантское могущество рассеялось перед немецким народом, как дым. Но могут ли сравниться «материальные гарантии», которых Пруссия в самых диких мечтах своих надеется добиться от Франции, с теми, которые заполучил Наполеон I от самой Германии? Результаты и на этот раз будут не менее гибельны. История воздаст не по числу оторванных от Франции квадратных миль земли, а по величине преступления, состоящего в том, что во второй половине XIX столетия вновь вызвали к жизни *политику завоеваний*.

Защитники тевтонского патриотизма говорят: но вы не должны смешивать немцев с французами. *Мы* хотим не славы, а только безопасности. Немцы — по существу миролюбивый народ. В своей рассудительной защите они даже

превращают завоевания из причины будущей войны в залог вечного мира. Конечно, не Германия в 1792 г. вторглась во Францию с возвышенной целью раздавить революцию XVIII столетия при помощи штыков! Как будто не Германия замарала свои руки при порабощении Италии, при подавлении Венгрии и при разделе Польши! Ее нынешняя милитаристская система, благодаря которой все здоровое мужское население делится на две части — постоянную армию на службе и вторую постоянную армию в запасе, причем обе обречены на беспрекословное подчинение своему, божьей милостью, начальству, — эта система является, конечно, «материальной гарантией» мира и, кроме того, высшей целью цивилизации! В Германии, как и везде, прихвостни власть имущих отравляют общественное мнение фимиамом лживого самохвальства.

Их, этих немецких патриотов, очень раздражают французские крепости Мец и Страсбург, но они не видят ничего несправедливого в колоссальной системе русских укреплений Варшавы, Модлина и Ивангорода. Содрогаясь пред ужасами бонапартистских нападений, они закрывают глаза на весь позор царской опеки.

Точно так же как в 1865 г. Луи Бонапарт обменялся обещаниями с Бисмарком, — так в 1870 г. Горчаков обменялся обещаниями с Бисмарком [11]. Точно так же как Луи-Наполеон льстил себя надеждой, что война 1866 г., истощив все силы обеих сторон — Австрии и Пруссии, сделает его вершителем судеб Германии, — так Александр льстил себя надеждой, что война 1870 г., истощив все силы Германии и Франции, даст ему возможность стать вершителем судеб всей Западной Европы. Точно так же, как Вторая империя считала невозможным свое существование рядом с существованием северо-германского союза, — так самодержавная Россия должна чувствовать для себя опасность со стороны Германской империи с Пруссией во главе. Таков закон старой политической системы. В пределах этой системы выигрыш одного государства является проигрышем для другого. Преобладающее влияние царя на Европу коренится в его традиционном верховенстве над Германией. В тот момент, когда вулканические социальные силы грозят в самой России потрясти самые глубокие основы самодержавия, может ли царь допустить такую потерю своего внешнего престижа? Московские газеты заговорили уже тем языком, которым говаривали бонапартистские газеты после войны 1866 г. Неужели тевтонские патриоты действительно

думают, что свобода и мир для Германии будут обеспечены, если они принудят Францию броситься в объятия России? Если военное счастье, опьянение своими успехами и династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, для нее останутся только два пути: либо она должна во что бы то ни стало сделаться *явным* орудием русской завоевательной политики, либо она должна после короткой передышки начать готовиться к другой «оборонительной» войне, но не к одной из тех вновь изобретенных «локализованных» войн, а к *войне расовой*, к войне против объединенных славянской и романской рас.

Немецкий рабочий класс, не имея возможности помешать этой войне, энергично поддерживал ее как войну за независимость Германии, за освобождение Франции и всей Европы от гнетущего ига Второй империи. Немецкие промышленные рабочие вместе с сельскими рабочими составляли ядро геройских войск, тогда как дома оставались их полуголодные семьи. Кроме бедствий на поле брани за границей их ожидают не менее великие бедствия дома от нищеты. И они теперь, в свою очередь, требуют «гарантий» в том, что их неисчислимые жертвы были не напрасны, что они действительно добились свободы, что их победы над армиями Бонапарта не будут превращены, как в 1815 г., в поражение немецкого народа. И в качестве первой такой гарантии они требуют *почетного для Франции мира и признания французской республики*.

Центральный комитет Германской социал-демократической рабочей партии опубликовал 5 сентября манифест, в котором он энергично настаивал на этих гарантиях. «Мы,— говорил он, — протестуем против присоединения Эльзас-Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в интересах борьбы западноевропейской цивилизации против восточного варварства немецкие рабочие никак не потерпят присоединения Эльзас-Лотарингии... Вместе с нашими товарищами, рабочими других стран, мы будем твердо и верно стоять за общее международное дело пролетариата!»

К несчастью, мы не можем рассчитывать на их непосредственный успех. Если французские рабочие не могли остановить агрессора в мирное время, то больше ли шансов у немецких рабочих удержать победителя во время военной горячки? Манифест немецких рабочих требует выдачи Луи Бонапарта как обыкновенного преступника в руки фран-

цузской республики. А их эксплуататоры всеми силами стараются опять усадить его на тюильрийский престол как самого подходящего человека для того, чтобы привести Францию к гибели. Как бы там ни было, история покажет, что немецкие рабочие созданы не из такого дряблого материала, как немецкий средний класс. Они исполнят свой долг.

Вместе с ними мы приветствуем учреждение республики во Франции, но в то же время нас тревожат опасения, которые, будем надеяться, окажутся неосновательными. Эта республика не ниспровергла трон, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно. Разделение труда между членами этого правительства обещает очень мало хорошего. Орлеанисты заняли сильнейшие позиции — армию и полицию, между тем как мнимым республиканцам предоставили функцию болтовни. Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показывают, что оно унаследовало от империи не только груду развалин, но также и ее страх перед рабочим классом. Если теперь от имени республики они широковещательно обещают невозможные вещи, то не делается ли это для того, чтобы поднять шум в пользу «возможного» правительства? Не должна ли республика, по замыслу некоторых ее буржуазных заправил, послужить лишь переходной ступенью и мостом к орлеанистской реставрации? *

Таким образом, французский рабочий класс находится в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием [12]. Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но они не должны позволить увлечь себя национальными *традициями* 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными *традициями* Первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а по-

* В третьем немецком издании «Гражданской войны во Франции», вышедшем в 1891 г. с введением Энгельса, данные строки переданы следующим образом: Не является ли республика в глазах буржуа, которые охотно стали бы ее могильщиками, лишь переходной ступенью к орлеанистской реставрации? *Ред.*

строить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение пролетариата. От их силы и мудрости зависит судьба республики.

Английские рабочие уже сделали некоторые шаги в том направлении, чтобы посредством оздоровляющего давления извне сломить неохоту их правительства признать французскую республику [13]. Теперешней медлительностью английское правительство хочет, должно быть, загладить антиякобинскую войну 1792 г. и ту непристойную поспешность, с которой оно признало государственный переворот Наполеона. Английские рабочие, кроме того, требуют от своего правительства, чтобы оно всеми силами противилось раздроблению Франции, которого бесстыдно требует часть английской печати. Это та самая печать, которая в течение целых двадцати лет боготворила Луи Бонапарта как провидение Европы и которая восторженно аплодировала мятежу американских рабовладельцев [14]. Теперь, как и тогда, она ратует за интересы рабовладельцев.

Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* призовут рабочий класс во всех странах к деятельному выступлению. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, землевладения и капитала.

Vive la République! [Да здравствует республика!]

Лондон, High Holborn W. C.
9 сентября 1870 г.

*Написано К. Марксом и утверждено на Чрезвычайном заседании Генерального Совета.*

*Напечатано отдельной брошюрой на английском языке.*

# ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

## ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

*„Ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах*

### I

4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику, которую тотчас же почти единодушно приветствовала вся Франция кликом восторга, шайка честолюбивых адвокатов, — государственным деятелем ее был Тьер, а генералом — Трошю, — завладела городской ратушей. Эти люди были настолько полны тогда фанатической веры в призвание Парижа быть представителем всей Франции во все времена исторических кризисов, что для оправдания насильно захваченного ими титула правителей Франции они считали совершенно достаточным предъявить свои истекшие уже полномочия на звание парижских депутатов. Во втором нашем воззвании по поводу последней войны, спустя пять дней после того, как движение подняло наверх этих людей, мы объяснили вам, кто они такие. Но Париж, захваченный врасплох, когда действительные вожди рабочих еще сидели в тюрьмах Бонапарта, а пруссаки быстро шли на него, позволил этим людям присвоить себе власть, но с непременным условием, чтобы они пользовались этой властью исключительно для целей национальной обороны. Защищать Париж можно было, только вооружив его рабочих, образовав из них действительную военную силу, научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены.

Прежде всего оно отправило Тьера в странствование по европейским дворам выпрашивать у них, как милостыню, посредничество, обязываясь за то променять республику на короля. Четыре месяца спустя после начала осады Парижа оно сочло своевременным завести речь о капитуляции; Трошю в присутствии Жюля Фавра и других своих коллег обратился к собравшимся парижским мэрам со следующими словами:

«Первый вопрос, который задали мне мои коллеги вечером же 4 сентября, был вопрос о том, имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии. Я, не колеблясь, ответил на этот вопрос отрицательно. Ссылаюсь на некоторых из присутствующих здесь моих коллег; они могут вам подтвердить, что я говорю правду; я постоянно оставался при мнении, высказанном тогда мною. Я сказал им точно то же, что говорю теперь вам: при настоящем положении дел попытка отстоять Париж от прусской армии — чистое безумие, — конечно, геройское безумие, — прибавил я, — но все-таки не больше, как безумие... События (он сам ими управлял) оправдали мои предсказания».

Эту прелестную маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, Корбон, впоследствии напечатал.

Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что «план» его состоит в капитуляции Парижа. Если бы национальная оборона не была только предлогом для личного господства Тьера, Фавра и К°, то выскочки 4 сентября сложили бы уже 5-го свою власть, сообщили бы парижскому населению «план» Трошю и предложили бы ему или немедленно сдаться, или взять свою судьбу в собственные руки. Но эти бесчестные обманщики решили излечить Париж от геройского безумия голодом и убийством, а пока что водили его за нос своими напыщенными манифестами. Трошю, «губернатор Парижа, никогда не капитулирует», — писалось в одном из этих манифестов. «Министр иностранных дел Жюль Фавр никогда не уступит ни одной пяди земли, ни одного камня наших крепостей». А Гамбетте этот же самый Жюль Фавр признавался в письме, что они «обороняются» не от прусских солдат, а от парижских рабочих. Бонапартистские разбойники, которым предусмотрительный Трошю поручил командование парижской армией, нагло глумились в своей частной переписке во все продолжение осады над этой якобы обороной, тайну которой они знали. (За доказательствами недалеко ходить: достаточно

просмотреть опубликованную Коммуной в «Journal Officiel» переписку главного командира артиллерии парижской армии, кавалера ордена большого креста почетного легиона, Альфонса Симона Гио, с Сюзанном, артиллерийским дивизионным генералом. Наконец, 28 января 1871 г. мошенники сбросили маску. Правительство национальной обороны в деле капитуляции Парижа выступило с настоящим геройством глубочайшего самоунижения, оно выступило как правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка, — роль до того подлая, что ее не решился взять на себя даже сам Луи Бонапарт в Седане. Спасаясь паническим бегством в Версаль после событий 18 марта, *капитулянты* оставили в руках Парижа документы, свидетельствовавшие об их измене, для уничтожения которых, как писала Коммуна в манифесте к провинциям, «эти люди не остановились бы перед превращением Парижа в груду развалин, затопленную морем крови».

К такой развязке толкали многих влиятельнейших членов правительства национальной обороны и совершенно особые, личные соображения.

Вскоре после заключения перемирия парижский депутат Национального собрания Мильер, теперь по специальному приказу Жюля Фавра уже расстрелянный, опубликовал целый ряд подлинных юридических документов, доказывавших, что Жюль Фавр, живя с женою одного спившегося алжирского проходимца, захватил при помощи самых наглых подлогов, совершенных им в продолжение нескольких лет кряду, от имени своих незаконнорожденных детей, огромное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что в процессе, который вели с ним законные наследники, он только потому не был уличен в подлогах, что пользовался особым покровительством бонапартистских судов. Так как против этих сухих юридических актов было бессильно какое угодно красноречие, то Жюль Фавр нашел нужным в первый раз в своей жизни не раскрывать рта, а ожидать, пока возгорится гражданская война, чтобы бешено выругать парижских жителей беглыми каторжниками, дерзко восставшими против семьи, религии, порядка и собственности. В то же время этот подделыватель документов тотчас после 4 сентября, едва захватив власть, освободил, из чувства братства, Пика и Тайефера, которые были осуждены за подлог даже при империи в связи со скандальной историей с газетой «Étendard». Один из этих досточтимых господ, Тайефер, был настолько дерзок, что вернулся во время

Коммуны в Париж, но Коммуна тотчас же заключила его в тюрьму. И после этого Жюль Фавр кричал всему миру с трибуны Национального собрания, что парижане освободили всех каторжников!

Эрнест Пикар, этот Джо Миллер [15] правительства национальной обороны, который после неудачных попыток попасть в министры внутренних дел империи произвел сам себя в министры финансов республики, это брат некоего Артура Пикара, субъекта, выгнанного с парижской биржи за мошенничество (см. донесение парижской префектуры от 13 июля 1867 г.) и осужденного, на основании собственного признания, за кражу 300 000 фр., совершенную им в бытность его директором филиального отделения торгового «Генерального общества», улица Палестро, № 5 (см. донесение парижской префектуры от 11 декабря 1868 г.). И вот этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил редактором своей газеты «L'Electeur Libre». Официальная ложь этой министерской газеты вводила в заблуждение обыкновенных биржевых спекулянтов, а Артур Пикар беспрестанно бегал с биржи в министерство, из министерства на биржу и наживал себе барыши при всяком поражении французских армий. Вся деловая переписка этой парочки почтенных братьев досталась Коммуне.

Жюль Ферри, бывший до 4 сентября нищим адвокатом, ухитрился сколотить себе во время осады, как мэр Парижа, состояние за счет голода столицы. Тот день, когда он должен будет дать отчет о своем хозяйничании, будет днем его осуждения.

Такие люди могли получить tickets-of-leave * только на развалинах Парижа; они как раз годились для целей Бисмарка. Карты были немного перетасованы, и Тьер, до сих пор втайне руководивший правительством, вдруг стал во главе его, а ticket-of-leave men сделались министрами.

Тьер, этот карлик-чудовище, в течение более чем полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял собою самое совершенное идейное выражение ее классовой испорченности. Прежде чем он стал государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятель-

---

* В Англии преступникам, после того как они уже отбыли бо́льшую часть наказания, дают иногда отпускные билеты, с которыми они могут жить на свободе, но под надзором полиции. Такие билеты называются tickets-of-leave (отпускной билет), а владельцы их — ticket-of-leave men. *(Примечание к немецкому изданию 1872 г.)*

ности есть история бедствий Франции. Связанный до 1830 г. с республиканцами, он проскочил при Луи-Филиппе в министры в награду за то, что предал своего покровителя Лафита. К королю он подольстился подстрекательством черни против духовенства, — подстрекательством, которое привело к разграблению церкви Сен-Жермен-Локсерруа и дворца архиепископа, — и тем, что по отношению к герцогине Беррийской он выполнял роль министра-шпиона и тюремщика-акушера. Резня республиканцев на улице Транснонэн, последовавшие затем гнусные сентябрьские законы против печати и права собраний и союзов были его делом. В марте 1840 г. он выступил на сцену уже министром-президентом и удивил всю Францию своим проектом укрепления Парижа. На обвинения республиканцев, которые считали этот проект злостным заговором против свободы Парижа, он в палате депутатов отвечал:

«Как? Вы воображаете, что укрепления когда-нибудь могут стать опасными для свободы! Прежде всего вы клевещете, допуская, что какое-нибудь правительство решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках... Такое правительство стало бы после победы во сто раз невозможнее, чем до нее». Да, никакое правительство не решилось бы бомбардировать Париж с фортов, кроме правительства, сдавшего раньше эти форты пруссакам.

Когда в январе 1848 г. Король-бомба [16] испробовал силу своего кулака на Палермо, Тьер, с давних пор не являвшийся тогда министром, снова произнес в палате депутатов такую речь:

«Милостивые государи! Вы знаете, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь от ужаса (в парламентском смысле) при вести, что большой город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке. И кем? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, милостивые государи, своим же правительством. И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. За требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке... Я апеллирую к общественному мнению Европы. Я думаю, что заклеймить с величайшей из трибун Европы словами (да, действительно словами) негодования такие действия — это будет заслугой перед человечеством. Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей родине (чего Тьер никогда не делал), вознамерился бомбардировать Барселону для подавления вспыхнувшего там восстания, со всех концов мира поднялся общий крик негодования».

Через полтора года Тьер был уже в числе самых рьяных защитников бомбардировки Рима французской армией [17]. На самом деле ошибка Короля-бомбы, повидимому, состояла только в том, что он ограничился лишь 48 часами бомбардировки.

За несколько дней до февральской революции Тьер, раздраженный тем, что Гизо надолго отстранил его от власти и наживы, и почуяв в воздухе приближение народной бури, заявил в палате депутатов своим напыщенным слогом, за который его прозвали «Mirabeau-mouche» [«Мирабо-муха»]: «Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы революционное правительство оставалось в руках умеренных людей... но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я бы из-за этого не отказался от своего дела. Я всегда буду принадлежать к партии революции». Разразилась февральская революция. Вместо того чтобы поставить на место министерства Гизо министерство Тьера, о чем мечтал этот ничтожный человек, революция заменила Луи-Филиппа республикой. В первый день народной победы он весьма старательно прятался, забывая, что от ненависти рабочих спасло бы его их презрение к нему. Как легендарный храбрец он избегал общественной арены, пока июньская резня [18] не очистила места для людей такого сорта, как он. Он стал тогда идейным вождем «партии порядка» [19] и ее парламентарной республики — этого анонимного междуцарствия, во время которого все враждующие между собой фракции господствующего класса входили друг с другом в тайные сношения с целью подавления народа и интриговали друг против друга, чтобы каждой восстановить свою собственную монархию. Тьер тогда, как и теперь, обвинял республиканцев в том, что они — единственная помеха к установлению республики на прочных основаниях; тогда, как и теперь, он говорил республике, как палач Дон-Карлосу: «Я убью тебя для твоего же блага». И теперь, как и тогда, ему на другой день после своей победы придется воскликнуть: L'Empire est fait — Империя готова. Тьер забыл свои лицемерные речи о необходимых свободах, свою личную неприязнь к Луи Бонапарту, который оставил его в дураках и выкинул за борт парламентаризм (вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человечек превращается в ничто, и он это хорошо знает); забыв все это, Тьер принимал участие во всех позорных делах Второй империи — от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он подстрекал

к этой войне, разжигая страсти своими неистовыми нападками на единство Германии, в котором он видел не маску для прусского деспотизма, а нарушение наследственного права Франции на разъединенность Германии. Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I. В своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона. На деле же его внешняя политика всегда, начиная от Лондонской конвенции 1841 г. до капитуляции Парижа 1871 г., приводила к крайнему унижению Франции и, наконец, довела до гражданской войны, во время которой он, с высочайшего соизволения Бисмарка, натравил на Париж пленных Седана и Меца. Несмотря на свои гибкие способности и изменчивость своих стремлений, он всю свою жизнь был самым закоренелым рутинером. Нечего и говорить, что более глубокие движения, происходящие в современном обществе, всегда оставались для него непостижимой тайной; его мозг, все силы которого ушли в язык, не мог освоиться даже с самыми простыми изменениями, совершающимися на поверхности общества. Он, например, считал святотатством всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи-Филиппа, он издевался над железными дорогами, как над фантазией больного ума; будучи в оппозиции при Луи Бонапарте, он клеймил, как кощунство, всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему. Ни разу в продолжение всей своей долговременной политической деятельности он не провел ни одной сколько-нибудь практически полезной, пусть даже самой мелкой, меры. Тьер был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство. Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в управление министерством при Луи-Филиппе, а оставил он это министерство миллионером. Во время последнего его управления министерством при упомянутом короле (с 1 марта 1840 г.) он был публично обвинен в палате депутатов в растрате казенных сумм. В ответ на это обвинение он ограничился тем, что заплакал, — ответ дешевый, которым легко отделывались и Жюль Фавр и всякий иной крокодил. В Бордо, в 1871 г., его первой мерой к спасению Франции от грозившего ей банкротства было назначение себе трехмиллионного годового оклада; это было первым и последним словом той «бережливой республики», идеал которой он выставил в манифесте к своим парижским избирателям в 1869 г. Один из его бывших коллег по палате 1830 г., сам капиталист и тем не менее преданный

член Парижской коммуны — Белэ, недавно в одной из своих публичных прокламаций обратился к Тьеру со следующими словами: «Порабощение труда капиталом было всегда краеугольным камнем вашей политики. С тех пор как в Парижской городской ратуше утвердилась республика труда, вы без устали кричите Франции: вот они, преступники!» Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; не останавливающийся перед тем, чтобы раздуть революцию, как только слетит с занимаемого места, и затопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как гнусный в жизни общественной, даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, Тьер не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своим смешным чванством.

Капитуляция Парижа, отдавшая во власть Пруссии не только Париж, но и всю Францию, закончила собою длинный ряд изменнических интриг с врагом, начатых узурпаторами 4 сентября, по словам самого Трошю, в самый день захвата ими власти. С другой стороны, эта капитуляция была началом гражданской войны, которую они довели при содействии Пруссии против республики и Парижа. Ловушка была уже в самих условиях капитуляции. В тот момент более трети страны было в руках врага; столица была отрезана от провинции, пути сообщения испорчены. При таких обстоятельствах избрание лиц, могущих явиться действительными представителями Франции, возможно было лишь после длительной подготовки. Именно поэтому в тексте капитуляции и был установлен недельный срок для выборов в Национальное собрание, так что в некоторых частях Франции известие о предстоящих выборах было получено лишь накануне самих выборов. Далее, как гласит одна из статей этой капитуляции, Собрание должно было быть избрано единственно с целью решения вопроса о мире и войне, а в случае необходимости — и для заключения мирного договора. Население не могло не почувствовать, что условия перемирия делали далее немыслимым продолжение войны и что для заключения мира, предписанного Бисмарком, наихудшие люди Франции окажутся самыми пригодными. Но, не довольствуясь этими мерами предосторожности и прежде чем тайна перемирия была сообщена Парижу, Тьер предпринял

избирательную поездку по всей стране, чтобы оживить труп партии легитимистов; эта партия вместе с орлеанистами должна была заменить бонапартистов, которые в этот момент были совершенно неприемлемы для страны. Легитимистов он не боялся. Как правительство современной Франции они были немыслимы, а потому и не были опасны как соперники; вся деятельность этой партии, по словам самого Тьера (в палате депутатов 5 января 1833 г.), «постоянно держалась на трех столпах: иноземном вторжении, гражданской войне и анархии»; эта партия поэтому являлась, как нельзя более удобным орудием контрреволюции. Но легитимисты всерьез уверовали в наступление вновь их тысячелетнего царства. И в самом деле, Франция снова была брошена под ноги иноземным врагам, империя была опять ниспровергнута; Бонапарт опять попал в плен, и они опять воскресли. Очевидно, колесо истории повернуло назад, чтобы докатиться до chambre introuvable [бесподобной палаты] 1816 г. В 1848—1851 гг. в Национальном собрании во время республики их вождями выступали образованные и опытные в парламентской борьбе люди; теперь выступили на первый план заурядные личности партии — всякая сволочь Франции.

Как только открылась в Бордо палата [20] «помещичьих депутатов», это собрание «деревенщины», Тьер не допустил их даже к парламентским прениям, а просто заявил им, что они немедленно должны принять предварительные условия мира, так как это непременное условие, на котором Пруссия только и позволит начать войну против республики и ее оплота — Парижа. И в самом деле, контрреволюции некогда было раздумывать. Вторая империя увеличила государственный долг вдвое, все большие города были обременены тяжелыми местными долгами. Война увеличила задолженность до крайних пределов и страшно истощила источники доходов нации. Мало того: прусский Шейлок [21] стоял на французской почве со своими квитанциями на провиант для 500-тысячного войска, с требованием уплаты контрибуции в 5 миллиардов и 5 процентов неустойки за просроченные взносы. Кто должен был платить за все это? Только посредством насильственного низвержения республики собственники богатства могли свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей этого богатства. Таким образом, невиданное дотоле разорение Франции побудило этих патриотов — представителей земельной собственности и капитала — открыто завершить внешнюю войну, под высоким покровительством чужеземного завоевателя

и на глазах у него, гражданской войной, бунтом рабовладельцев.

На пути этого заговора стояло одно громадное препятствие — Париж. Обезоружение Парижа было первым условием успеха. Вследствие этого Тьер и обратился к Парижу с требованием сложить оружие. Все было сделано, чтобы вывести Париж из терпения: помещичья палата разражалась самыми неистовыми антиреспубликанскими воплями; Тьер сам двусмысленно острил над правом республики на существование; Парижу угрожали обезглавить его и лишить звания столицы (décapiter et décapitaliser); орлеанистов назначали посланниками; Дюфор издавал свои законы о неоплаченных в срок векселях и квартирных неустойках, законы, грозившие подорвать в корне торговлю и промышленность Парижа; по настоянию Пуйэ-Кертье на каждый экземпляр какого бы то ни было издания вводился двухсантимный налог; Бланки и Флуранс были приговорены к смерти; республиканские газеты закрывались; Национальное собрание перевели в Версаль; осадное положение, объявленное Паликао и снятое 4 сентября, было возобновлено; Винуа, герой 2 декабря, был назначен губернатором Парижа, бонапартистский жандарм Валантен — префектом полиции и генерал-иезуит Орель-де-Паладин — главнокомандующим парижской Национальной гвардии.

Теперь мы спросим у г. Тьера и членов правительства национальной обороны, его приказчиков, о следующем. Известно, что г. Тьер заключил при посредстве своего министра финансов Пуйэ-Кертье заем в два миллиарда, который подлежал немедленной оплате. Так вот, правда это или нет:

1) что дельце было устроено таким образом, что несколько сот миллионов «комиссионных» очутились в карманах Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Пуйэ-Кертье и Жюля Симона?

2) что уплату обязывались произвести только после «умиротворения» Парижа?

Во всяком случае, что-то заставляло их очень торопиться с этим делом, так как Тьер и Жюль Фавр самым бесстыдным образом настаивали от имени большинства Бордоского собрания на немедленном занятии Парижа прусскими войсками. Но такой шаг не входил в политику Бисмарка, как это он, по возвращении своем в Германию, насмешливо и во всеуслышание рассказывал изумленным франкфуртским филистерам.

## II

Вооруженный Париж являлся единственным серьезным препятствием для контрреволюционного заговора. Стало быть, Париж надо было обезоружить. По этому вопросу Бордоская палата высказалась с полнейшей откровенностью. Даже если бы яростный рев депутатов «помещичьей палаты» и не был так ясен, то отдача Парижа Тьером под начало триумвирата из декабрьского убийцы Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и генерала-иезуита Ореля-де-Паладина не оставляла места ни малейшему сомнению. Не скрывая истинного смысла обезоружения Парижа, заговорщики нагло требовали этого от самого Парижа под таким предлогом, который являлся самой вопиющей и наглой ложью. Артиллерия парижской Национальной гвардии, заявлял Тьер, есть собственность государства, посему подлежит возврату ему. На самом же деле факты были таковы: Париж был под ружьем с самого дня сдачи, когда пленники Бисмарка предали ему Францию, выговорив для себя значительную военную силу с очевидной целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и передала верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением кое-каких остатков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет сделал распоряжение о перевозке на Монмартр, в Лавилет и в Бельвиль пушек и митральез, изменнически оставленных капитулянтами именно в тех кварталах, в которые должны были вступить пруссаки, или в кварталах, лежащих от них поблизости. Эта артиллерия была создана на суммы, собранные самой Национальной гвардией. В тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью Национальной гвардии и как такова не была включена в общую массу государственного оружия, подлежавшего выдаче победителю. Тьер не имел ни малейшего повода начать войну с Парижем, и потому он должен был прибегнуть к наглой лжи, будто артиллерия Национальной гвардии являлась государственной собственностью!

Захват артиллерии должен был бы служить, очевидно, только сигналом ко всеобщему разоружению Парижа, а следовательно, к обезоружению революции 4 сентября. Но эта революция была законной государственной формой Франции. Республика, результат этой революции, была признана

победителем в тексте капитуляции. После этой капитуляции ее признали все иностранные державы; от имени республики было созвано Национальное собрание. Единственным законным основанием Бордоского национального собрания и его исполнительной власти являлась революция парижских рабочих 4 сентября. Если бы не революция 4 сентября, это Национальное собрание немедленно должно было бы уступить свое место Законодательному корпусу, который был избран в 1869 г. всеобщей подачей голосов при французском, а не при прусском правлении и позднее был насильно разогнан революцией. Тьер и его ticket-of-leave men должны были бы капитулировать, чтобы этим добиться охранных грамот за подписью Луи Бонапарта, избавлявших их от необходимости путешествовать в Кайенну [22]. Национальное собрание с его полномочием заключить мир с Пруссией было тогда одним из эпизодов этой революции, действительным воплощением ее был все-таки вооруженный Париж, тот Париж, который произвел революцию, Париж, выдержавший пятимесячную осаду со всеми ужасами голода, Париж, который, невзирая на план Трошю, своим продолжительным сопротивлением дал провинциям возможность вести упорную оборонительную войну. И ныне этот же Париж по оскорбительному приказу мятежных бордоских рабовладельцев должен был или разоружиться и признать, что революция 4 сентября была не более чем простой передачей власти из рук Луи Бонапарта в руки его соперников—роялистов [23], или же Парижу предстояло самоотверженно бороться за дело Франции, которую спасти от полного падения и возродить к новой жизни можно было только революцией, разрушением того политического и социального строя, который привел ко Второй империи и сам под ее покровительством дошел до полного разложения. Париж, измученный пятимесячным голодом, не задумывался ни на минуту. Он был полон геройской отваги, он приготовился перенести все тяжести борьбы с французскими заговорщиками контрреволюции, несмотря на то, что прусские пушки угрожали ему с высоты его же фортов. Но из отвращения к гражданской войне, которую старались навязать Парижу, Центральный комитет продолжал придерживаться чисто оборонительного положения, не обращая внимания ни на провокационные выходки Национального собрания, ни на непрошенное вмешательство исполнительной власти в его дела, ни на угрожающую концентрацию войск в Париже и вокруг него.

И вот Тьер сам начал гражданскую войну: он отправил Винуа во главе отряда полицейских и нескольких линейных полков в разбойничий поход ночью на Монмартр, чтобы, напав врасплох, захватить артиллерию Национальной гвардии. Всем известно, что эта попытка не удалась из-за энергичного отпора Национальной гвардии и братания между войсками и народом. Орель-де-Паладин напечатал уже было заранее извещение о победе, а у Тьера были наготове объявления, возвещавшие о принятых им мерах к совершению государственного переворота. Эти объявления пришлось заменить манифестом, сообщавшим о благородной решимости Тьера даровать Национальной гвардии ее же оружие в надежде, что оно будет употреблено на защиту правительства от бунтовщиков. Из 300 тысяч национальных гвардейцев только 300 человек отозвались на призыв маленького Тьера присоединиться к нему для защиты его от самих себя. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Ее временным правительством был Центральный комитет. Европа, казалось, на минуту усомнилась в действительности совершившихся перед ее глазами поразительных государственных и военных событий: не сон ли это из области давно минувшего.

С 18 марта до вторжения версальских войск в Париж революция пролетариата не была запятнана теми насилиями, которыми отличаются революции и особенно контрреволюции «высших классов». Враги ее не смогли найти никакого предлога для своего возмущения, кроме казни генералов Леконта и Клемана Тома и стычки на Вандомской площади.

Один из бонапартовских офицеров, участвовавших в ночной экспедиции против Монмартра, генерал Леконт четыре раза отдавал 81-му линейному полку приказание стрелять по безоружной толпе на площади Пигаль; когда же солдаты отказались исполнить его приказание, он обругал их площадной бранью. Вместо того чтобы направить оружие против беззащитных женщин и детей, они расстреляли его же самого. Укоренившиеся привычки, приобретенные солдатами в школе врагов рабочего класса, не могли, разумеется, бесследно исчезнуть в них в ту же минуту, как только они перешли на сторону рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный своей карьерой, бывший вахмистр, завербованный в последние годы царствования Луи-Филиппа в редакцию республиканской газеты «Le National», исполнял двойные обязанности: в качестве

ответственного болвана (gérant responsable) * и в качестве бреттера-дуэлиста при этом задорном органе. После февральской революции, когда люди из «National'я» пришли к власти, старый вахмистр был превращен ими в генерала. Это было накануне июньской бойни, злостным подготовителем которой он был, подобно Жюлю Фавру, и в которой играл самую гнусную роль палача. После этого он со своим генеральством надолго исчез из виду и не появлялся на поверхности уже до 1 ноября 1870 г. Накануне этого дня правительство обороны, захваченное в ратуше, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать захваченную им власть в руки свободно избранной Парижской коммуны. Вместо исполнения обещания оно натравило на Париж бретонцев генерала Трошю, занявших теперь место корсиканцев Бонапарта. Только генерал Тамизье не захотел запятнать себя этим вероломством и отказался от звания главнокомандующего Национальной гвардии. Заменивший его Клеман Тома снова оказался генералом. В продолжение всего своего командования он воевал не против пруссаков, а против парижской Национальной гвардии. Он всеми силами противился ее всеобщему вооружению, науськивал буржуазные батальоны на рабочие, устранял офицеров, не сочувствовавших «плану» Трошю, упразднял пролетарские батальоны, позоря их обвинением в трусости, и это те самые пролетарские батальоны, доблести которых удивляются теперь самые ярые их враги. Клеман Тома страшно кичился тем, что ему снова удалось доказать на деле свою личную ненависть к парижскому пролетариату, которая так ярко проявилась в июньской бойне 1848 г. За несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефло свой проект раз навсегда «покончить с цветом парижской сволочи». После поражения Винуа он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве шпиона из любви к искусству. Центральный комитет и парижские рабочие были так же виноваты в смерти Клемана Тома и Леконта, как принцесса Уэльская в гибели людей, раздавленных в толпе при въезде ее в Лондон.

Избиение безоружных граждан на Вандомской площади есть сказка. Недаром упорно молчали о ней Тьер и депутаты помещичьего собрания; распространять эту сказку они поручили лакеям европейской журналистики. «Люди по-

* Лицо в редакции газеты, обязанностью которого является отсиживание в тюрьме. *Ред.*

рядка», парижские реакционеры, содрогнулись при известии о победе 18 марта. Для них она означала близость народной расправы. Призраки жертв, замученных ими начиная с июньских дней 1848 г. до 22 января 1871 г., восстали перед ними. Но они отделались одним испугом. Полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа для бегства их в Версаль. «Людей порядка» не только оставили в покое, но им дана была возможность объединиться и захватить многие сильные позиции в самом сердце Парижа. Эта снисходительность Центрального комитета, это великодушие вооруженных рабочих, столь не свойственное нравам «партии порядка», были приняты ею за сознание рабочими своего бессилия. Вот почему у «партии порядка» явился бессмысленный план—попробовать под видом якобы невооруженной демонстрации добиться того, чего не достиг Винуа с его пушками и митральезами. 22 марта из богатейших кварталов появилась шумная толпа «фешенебельных господ»: она состояла из всяких пшютов, а во главе ее были известнейшие выкормыши империи, как Геккерен, Коэтлогон, Анри де-Пен и им подобные. Трусливо прикрывшись лозунгами мирной демонстрации, но втайне вооружившись оружием наемных убийц, эта сволочь маршировала, обезоруживая и оскорбляя попутно встречавшиеся им посты и патрули Национальной гвардии. Выйдя с улицы Rue de la Paix с криками: «Долой Центральный комитет! Долой убийц! Да здравствует Национальное собрание!», они попытались прорвать линию караульных постов и захватить врасплох Генеральный штаб Национальной гвардии на Вандомской площади. На выстрелы из револьверов им ответили обычным требованием разойтись, и, когда это требование осталось без последствий, генерал Национальной гвардии скомандовал стрелять. Один залп обратил в беспорядочное бегство эту толпу пустых голов, воображавших, будто одно появление «приличного общества» подействует на парижскую революцию, как трубы Иисуса Навина на стены Иерихона. Демонстрантами были убиты два национальных гвардейца и тяжело ранены девять (в числе последних — один из членов Центрального комитета); вся местность, где произошел этот подвиг партии порядка, была усеяна револьверами, кинжалами, палками со стилетами и тому подобными вещественными доказательствами «безоружного» характера их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. Национальная гвардия, протестуя против

разбойничьего захвата Рима французскими войсками, устроила действительно мирную демонстрацию, генерал партии порядка того времени Шангарнье был провозглашен Национальным собранием и особенно Тьером спасителем отечества за то, что он бросил отовсюду свои войска на беззащитную массу, которую те расстреливали, рубили саблями и топтали лошадьми. Париж объявили тогда на осадном положении. Дюфор поспешно провел в Национальном собрании целый ряд новых драконовских законов: произвели массу арестов и ссылок; снова воцарился террор. Низшие классы поступают в таких случаях иначе. Центральный комитет 1871 г. просто не обратил внимания на пустившихся в бегство героев «мирной демонстрации», так что через два дня они могли устроить уже *вооруженную демонстрацию* под предводительством адмирала Сэссэ, закончившуюся знаменитым паническим бегством в Версаль. Центральный комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером ночной экспедицией против Монмартра, сделал роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещичьей палаты. Вместо этого партии порядка дали снова возможность испытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта. В этот день «люди порядка» усердствовали в мэриях Парижа с речами примирения, давая себе, разумеется, втайне торжественную клятву в свое время кроваво отомстить своим чрезмерно великодушным победителям.

Посмотрим теперь на оборотную сторону медали. Тьер предпринял второй поход против Парижа в начале апреля. С первой партией пленных парижан, приведенных в Версаль, поступили с возмутительной жестокостью. Эрнест Пикар, запустив руки в карманы штанов, шнырял между их рядами и всячески насмехался над ними; а жены Тьера и Фавра, окруженные своей женской свитой, рукоплескали с балкона подлым выходкам версальской черни. Пленных солдат линейных полков просто расстреливали. Наш храбрый друг генерал Дюваль, литейщик, был расстрелян без всякого суда и следствия. Галифе, «альфонс» своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи, кичился в своей прокламации тем, что это он приказал убить нескольких застигнутых врасплох и обезоруженных его егерями национальных гвардейцев вместе с их капитаном и лейтенантом. Винуа, бежавший из Парижа, получил от Тьера большой крест

ордена почетного легиона за издание приказа, предписывавшего расстреливать каждого линейного солдата, захваченного среди коммунаров. Жандарма Демарэ наградили орденом за то, что он изменнически, как мясник, изрубил в куски рыцарски великодушного Флуранса — того самого Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства национальной обороны. Об «ободряющих подробностях» этого убийства Тьер с явным удовольствием разглагольствовал на одном из заседаний Национального собрания. С надутым тщеславием парламентского мальчика-с-пальчик, которому позволили позировать в роли Тамерлана, он отказался признать за людьми, восставшими против его карлицкого величия, право воюющей стороны и не хотел соблюдать даже нейтралитета относительно их перевязочных пунктов. Не было ничего гнуснее этой обезьяны, которой дали власть удовлетворять ее инстинкты тигра, — обезьяны-тигра, портрет которой нарисовал Вольтер.

После декрета Коммуны от 7 апреля, в котором она приказывала производить репрессии, объявляя, что считает своей обязанностью «защищать Париж от каннибальства версальских разбойников и требовать око за око и зуб за зуб», Тьер ничем не поступился в своем варварском обращении с пленными; он все так же глумился над ними, печатая в своих бюллетенях, что «никогда печальный взор честных людей еще не видел более бесчестных лиц, более бесчестной демократии», — взор честных людей, вроде Тьера и его ticket-of-leave men в роли министров. Тем не менее расстрел пленных временно прекратился. Но как только Тьер и его генералы — герои декабрьского [1851 г.] переворота — узнали, что декрет Коммуны о репрессиях был простой угрозой, что были пощажены даже шпионы-жандармы, арестованные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, — как только они узнали об этом, они начали снова массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся беспрерывно до конца. Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином (здесь он был в первый раз употреблен в этой войне) и поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии полевым лазаретом работников печати в квартале Терн. Четыре национальных гвардейца, сдавшихся при Бель-Эпин 25 апреля отряду конных стрелков, были расстреляны поодиночке капитаном этих стрелков, достойным холопом Галифе. Один из этих гвардейцев, Шеффер, которого приняли за

мертвого, кое-как дополз до парижских фортов и засвидетельствовал этот факт перед одной из комиссий Коммуны. Когда Толен запросил по поводу отчета этой комиссии военного министра Лефло, «помещичьи депутаты» заглушили его слова криком и не дали Лефло отвечать: было бы оскорблением для их «славной» армии говорить о ее подвигах. Небрежный тон бюллетеней Тьера, сообщавших о заколотых штыками сонных коммунарах в Мулэн-Саке, о массовом расстреле в Кламаре, повлиял на нервы даже лондонского «Times», не отличающегося обыкновенно особенною чувствительностью. Но было бы тщетной попыткой пересчитать все жестокости людей, бомбардировавших Париж, зачинщиков рабовладельческого бунта под покровительством чужеземного завоевателя. Среди всех этих ужасов Тьер забывает свои парламентские фразы о страшной ответственности, возложенной на его плечи карлика; он кичится в своих бюллетенях тем, что l'Assemblée siège paisiblement (собрание заседает благополучно), и доказывает парадными обедами то со своими генералами, героями декабрьского переворота, то с немецкими принцами, что его пищеварение не испортили даже призраки Леконта и Клемана Тома.

## III

Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужен громовыми криками: «Да здравствует Коммуна!» Что же такое эта Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую задачу буржуазным мозгам?

«Парижские пролетарии,—писал в манифесте от 18 марта Центральный комитет, — видя поражения и измену господствующих классов, поняли, что настал час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть». Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, основанными на принципе систематического и иерархического разделения труда: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся

буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но поместные и дворянские прерогативы, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII столетия смела все эти остатки давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих режимах правительство было подчинено парламентскому контролю, т. е. непосредственному контролю имущих классов. С одной стороны, оно превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов, оно стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых непреодолимо влекла к нему его административная сила, его доходы и должности, которыми оно располагало; с другой стороны, под влиянием экономических изменений в обществе изменился и его политический характер. По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто. Революция 1830 г. отняла власть у земельных собственников и отдала ее капиталистам, т. е. из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непосредственным его врагам. Буржуазные республиканцы именем февральской революции захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить июньскую бойню; они этой бойней доказали рабочему классу, что «социальная» республика есть не что иное, как социальное порабощение его республикой, а монархически настроенной массе буржуазии и классу землевладельцев, — что они могут беспрепятственно предоставить буржуазным республиканцам заботы и денежные выгоды управления. Но после июньского подвига буржуазные «республиканцы» должны были перейти из передовых рядов в последние ряды

«партии порядка», этой коалиции, образовавшейся из всех враждующих фракций и партий имущих классов, ставших теперь в открытую противоположность к классам производительным. Самой подходящей формой для их совместного управления оказалась *парламентарная республика* с Луи Бонапартом в качестве президента во главе ее; это было правительство неприкрытого классового террора и умышленного оскорбления «подлой черни». По словам Тьера, парламентарная республика была такой формой правления, которая «меньше всех других разделяла различные фракции господствующего класса», но зато она открыла пропасть между этим немногочисленным классом и всем общественным организмом, существующим вне его. Если при прежних правительствах раздоры внутри этого класса возлагали известные ограничения на государственную власть, то теперь благодаря объединению имущего класса эти ограничения отпали. Ввиду угрожавшего восстания пролетариата объединившийся имущий класс стал бессовестно и нагло пользоваться государственной властью как национальным орудием войны капитала против труда. Но его непрекращающийся крестовый поход против массы производителей заставил, с одной стороны, давать исполнительной власти все больше и больше прав для подавления сопротивления, с другой — постепенно отнимать у своей собственной парламентской твердыни — Национального собрания — все его средства обороны против исполнительной власти; и Луи Бонапарт, представлявший собой эту исполнительную власть, разогнал представителей имущего класса. Вторая империя явилась естественным следствием республики «партии порядка».

Империя, которой государственный переворот служил удостоверением о рождении, всеобщая подача голосов — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла претензии на то, что она опирается на крестьянство, на эту обширную массу производителей, которая не участвовала непосредственно в борьбе между капиталом и трудом. Империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним и неприкрытое подчинение правительства имущим классам, и за спасительницу имущих классов на том основании, что она поддерживала их экономическое господство над рабочим классом. И, наконец, она заявляла претензии на объединение всех классов вокруг вновь ожившего призрака национальной славы. В действительности империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда

буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о котором оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском беспутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением. Государственная власть, которая, казалось, высоко парит над обществом, была в действительности самым вопиющим скандалом этого общества, рассадником всяческой мерзости. Штыки Пруссии, жаждавшей перенести центр тяжести этой системы управления из Парижа в Берлин, обнажили всю гнилость этой государственной власти и одновременно гнилость спасенного ею общества. Империализм есть самая проституированная и самая последняя форма той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазным обществом как орудие его освобождения от феодализма и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в орудие порабощения труда капиталом.

Прямой противоположностью империи была Коммуна. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и общественным центром французского рабочего класса, восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его помещичьей палаты восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от империи. Париж мог сопротивляться только потому, что осада освободила его от армии, место которой заняла Национальная гвардия, комплектовавшаяся большею частью из рабочих. Этот факт надо было превратить в прочное учреждение, и потому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских

гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. Та же судьба постигла чиновников всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей, чтобы подобно их предшественникам-апостолам кормиться милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для всех и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость, которая служила только маской для сокрытия их низкого подхалимства перед поочередно сменявшимися правительствами; они каждому правительству приносили присягу на верность и каждому изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Парижская коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй водворился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное

правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено по всей стране народной милицией с самым кратким сроком службы. Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать уполномоченных в Национальное собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкции своих избирателей (императивный мандат) и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать эти функции ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь предприятия, точно так же как и отдельные лица, всегда умеют находить для своих целей подходящих людей на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправлять свою ошибку. С другой стороны, Коммуна по самому существу

своему была безусловно враждебна замене всеобщей подачи голосов иерархической инвеституроЙ.

Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его ошибочно принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была ошибочно рассматриваема как воскрешение средневековых коммун, предшествовавших возникновению этой государственной власти и составивших основу ее. Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств (о котором мечтали Монтескье и жирондисты) то единство великих наций, которое хотя и создано было насилием, но стало теперь могущественным фактором общественного производства. Антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации. В некоторых странах полному развитию той буржуазной формы правления, образцом которой является Франция, мешали некоторые особые исторические условия; эти условия создали, например, то, что в Англии главные центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраниями (vestries), корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в деревнях. Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции. Буржуазия провинциальных городов видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревней, которым она пользовалась при Луи-Филиппе и которое при Луи Бонапарте было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, употребляющему все время, свободное от интриг, в которых на первом

месте всегда кровь и железо, своему старинному, больше всего подходящему к его умственным способностям сотрудничеству в «Kladderadatsch'e» (в берлинском «Punch'e»), только такому человеку могло притти в голову, что Парижская коммуна в сущности стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г., — низводящему городские самоуправления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма. Уничтожив две крупнейшие статьи расходов: армию и чиновничество, Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является, в Европе по крайней мере, обычным балластом и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; и то и другое явилось само собою, между прочим.

Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно и классовое господство. С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса.

Странная вещь: стоит только рабочим где-нибудь взять дело в свои руки, и тотчас, несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении рабочих, против них начинает раздаваться апологетическая фразеология защитников современного общества с его двумя противоположными полюсами: капиталом и рабством наемного труда (земельные собственники являются теперь лишь

безгласными компаньонами капиталистов). Как будто бы капиталистическое общество пребывало еще в девственной чистоте и непорочности! Как будто бы не развиты были еще его противоположности, не вскрыты его самообманы, не разоблачена вся его проституированная действительность! Коммуна, говорят они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна хотела уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность взаправду, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного и ассоциированного труда. Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако нашлись же среди господствующих классов люди, — и их не мало, — которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизм, «возможный» коммунизм?

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовые и законченные утопии. Он знает, что, для того чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества. Вполне сознавая свое историческое призвание, полный героической решимости стоять на высоте этого призвания, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого ора-

кула изрекают свои лживые общие места и преподносят свои высиженные рецепты.

Когда Парижская коммуна взяла на себя руководство революцией; · когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства»— имущих классов, — именно на привилегию управления, они взялись за работу при неслыханно тяжелых условиях и исполняли ее скромно, добросовестно и успешно; высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, получаемого, по словам известного авторитета в науке [проф. Гексли], секретарем лондонского школьного совета. Старый мир скорчило от бешенства, когда он увидел красное знамя над городской ратушей — символ республики труда.

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богатых капиталистов. Мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о должниках и кредиторах, — Коммуна спасла этот класс [24]. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же за тем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, какой бы ярлык она ни носила. Империя разорила эту часть среднего класса в материальном отношении своим расхищением общественного богатства, покровительством биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала и вызываемой ею экспроприации значительной части этого среднего класса. Империя политически угнетала ее и нравственно возмущала своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, поручая воспитание ее детей «невежественным патерам»; она возмутила ее национальное чувство французов, затеяв эту войну, которая вознаградила за все ее бедствия только одним — ниспровержением империи. После бегства из Парижа шайки высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная «партия порядка» среднего класса, выступившая под именем «Республиканского союза», стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам: «Наша победа — ваша единственная надежда!» Самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету достославными башибузуками европейской печати, было утверждение, что «помещичьи депутаты» являлись представителями французских крестьян. Не правда ли, как правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая во французских крестьянах любовь к людям, которым они после 1815 г. должны были заплатить миллиард вознаграждения! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного земельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 г. В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции; теперь они затеяли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тягость пятимиллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам. Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от налога кровью, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы таких кровопийц, как нотариус, адвокат, судебный пристав, и других судейских вампиров наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. Французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным платить попам не из сумм, взимаемых сборщиками податей, а из добровольных пожертвований, размер которых зависел бы от степени набожности общины. Вот какие существенные блага обещало непосредственно господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян — таковы вопросы об ипотечном долге, который как кошмар тяготел на клочке крестьянской земли, о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

Луи Бонапарт был избран французским крестьянством в президенты республики. Вторую же империю создала «партия порядка». В 1849 и 1850 гг. французский крестьянин, противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя — правительственному священнику, себя самого — правительственному жандарму, начал этим показывать, что ему нужно на самом деле. Все законы, изданные «партией порядка» в январе и феврале 1850 г., были направлены, по ее собственному признанию, против крестьян. Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй империи быстро исчезал. Этот предрассудок прошлого (по существу своему он был враждебен «помещичьим депутатам»)— как мог бы он устоять против призыва Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян?

«Помещичьи депутаты» отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание. Потому-то они так трусливо спешили окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Если коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, то она была поэтому действительно национальным правительством. Но, будучи правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась в то же время интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединяла к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв из всех стран бросились грабители, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеско, валашский плут, а левой — Марковский, русский шпион. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешней войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм полицейской травлей против немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего министром труда.

И Тьер, и буржуазия, и Вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, на деле предавая их России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа. Чтобы резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе — с другой, низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну.

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: запрещение ночной работы пекарей; запрещение под страхом наказания понижать заработную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами — обычный прием работодателей, которые, соединяя в своем лице законодательную, судебную и исполнительную власть, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны отличались расчетливостью и умеренностью; она должна была ограничиться только мерами, совместимыми с осадным положением города. Под управлением Османа Париж так обкрадывали банкирские компании и строительные подрядчики, что Коммуна имела значительно бо́льшие права конфисковать их имущества, чем Луи Бонапарт — имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, бо́льшая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были, конечно, сильно возмущены Коммуной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8 000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно подавило во всей Франции всякое свободное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов; оно завело шпионов в Версале и во всей Франции, и притом в более широких размерах, чем при Второй империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное собрание на самую

робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслыханным даже в бесподобной палате 1816 г. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались действовать подкупами и заговорами внутри Парижа. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как при глубоком мире, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было таково же по духу, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты партии порядка в Париже и газеты Коммуны в Версале.

Естественно, что депутаты «помещичьей палаты» бесились, когда они объявляли единственным средством для спасения Франции возвращение в лоно церкви, а неверующая Коммуна раскрывала тайны женского монастыря Пикпуса и церкви св. Лаврентия [25]. Разве это не было едкой сатирой на Тьера, сыпавшего кресты почетного легиона на генералов Бонапарта за их отличное уменье проигрывать сражения, подписывать капитуляции и делать папиросы в Вильгельмсгэе, что Коммуна смещала и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном исполнении своих обязанностей? Разве это не было пощечиной фабриканту фальшивых документов Жюлю Фавру, министру иностранных дел Франции, продававшему ее Бисмарку, диктовавшему приказы несравненному бельгийскому правительству, если Коммуна изгнала из своей среды и арестовала одного из своих членов, который пролез в нее под вымышленным именем после шести дней ареста в Лионе за банкротство? Но Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала все отчеты своих заседаний, оглашала все свои действия; она посвящала публику во все свои несовершенства.

Во всякую революцию, в ряды ее истинных представителей, проникают люди другого покроя. Таковы, с одной стороны, участники и суеверные поклонники прежних революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще имеющие влияние на народ вследствие своей всем известной честности и своему мужеству или просто в силу традиций; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие свои стереотипные декламации против существующих правительств и получающие поэтому имя революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта, и им случилось играть первоклассную роль, и, насколько они были в силах, они задерживали

истинное движение рабочего класса, как раньше они мешали полному развитию всех прежних революций. Они — неизбежное зло; от них можно освободиться только со временем, но этого-то времени Коммуна не имела.

Коммуна каким-то чудом преобразила Париж! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских крупных земельных собственников, ирландских абсентеистов [26], американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. «Мы уже не слышим, — говорил один из членов Коммуны, — ни об убийствах, ни о грабежах, ни о нападениях на отдельных лиц; можно подумать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих». Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!

И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля — это сборище отребья всех отживших режимов—легитимистов и орлеанистов, жаждущих растерзать труп народа, — с хвостом из допотопных республиканцев, поддерживавших своим присутствием в Национальном собрании рабовладельческий бунт; они надеялись, что благодаря тщеславию старого шута, находившегося во главе правления, они отстоят свою парламентарную республику; они занимались тем, что пародировали 1789 г. своими таинственными собраниями в Jeu de Paume (зал для игры в мяч, где Национальное собрание 1789 г. приняло свои знаменитые решения). Это сборище, — этот труп, представляющий собою всю отжившую Францию, — продолжало жить призрачной жизнью исключительно благодаря саблям генералов Луи Бонапарта, которые были для него подпорой. Париж — весь истина; Версаль — весь ложь; и глашатаем этой лжи был Тьер.

Тьер обратился к депутации мэров департамента Сены и Уазы со следующими словами: «Вы можете довериться моему слову; я *никогда* не нарушал его». Он говорил собранию, что «оно самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех собраний, которые Франция когда-либо имела»; своему разношерстному воинству он говорил, что оно «чудо мира и наилучшая из армий, которую когда-либо имела Франция»; провинциям, — что бомбардировка Парижа по его приказу — только сказка: «Если и упало несколько бомб, то они были пущены не версальской армией, а инсургентами, которые хотели показать, что они сражаются, хотя на самом деле они боялись нос показать». Позже он объявлял провинциям: «Версальская артиллерия не бомбардирует Париж, а только стреляет в него из пушек». Парижскому архиепископу он говорил, что все расстрелы и репрессивные меры (!), в которых обвиняют версальцев,— одна ложь. Он объявил Парижу, что хочет «только освободить его от угнетающих его отвратительных тиранов» и что Париж Коммуны есть «не больше, не меньше, как кучка преступников».

Париж Тьера не был действительным Парижем «подлой черни», он был фантастическим Парижем, Парижем шулеров, Парижем бульварных завсегдатаев обоего пола, богатым, капиталистическим, позолоченным, тунеядствующим Парижем; тем Парижем, который со своими лакеями, жуликами, литературной богемой, кокотками наполнял теперь Версаль, Сен-Дени, Рюэль и Сен-Жермен, который считал гражданскую войну только интересной интермедией, который в подзорную трубу любовался битвой, вел счет пушечным выстрелам и клялся честью своей и своих публичных женщин, что спектакль здесь гораздо лучше, чем в театре Porte St. Martin. Ведь убитые действительно были мертвы, крики раненых не были поддельны, и кроме того драма, происходившая перед ними, была всемирно-исторической драмой.

Таков был Париж Тьера, точно так же, как кобленцская эмиграция [27] была Францией де-Калонна.

## IV

Только из-за отказа Бисмарка не удалась первая попытка рабовладельческого заговора покорить Париж, заняв его прусскими войсками. Вторая попытка, сделанная 18 марта, окончилась поражением армии и бегством правительства в Версаль, куда за ним последовала и вся администрация. Прикрываясь мирными переговорами с Парижем,

Тьер выигрывал время для приготовления к войне с ним. Но где ему было взять армию? Остатки линейных полков были малочисленны, а настроение их сомнительно; на настойчивые воззвания Тьера к провинциям помочь Версалю Национальной гвардией и волонтерами ему ответили открытым отказом. Только Бретань послала кучку шуанов, которые сражались под белым знаменем, с сердцем Христа в белой ладанке на груди; их боевой клич был: «Да здравствует король!» Таким образом, Тьер мог только наскоро собрать разношерстную толпу матросов, морских солдат, папских зуавов, жандармов Валантена, полицейских и шпионов Пьетри. Если бы не постепенно прибывавшие военнопленные бонапартовской армии, которых Бисмарк отпускал в количестве, достаточном, чтобы, с одной стороны, могла вестись гражданская война и чтобы можно было держать Версаль в рабской зависимости от Пруссии, с другой стороны, — если бы не эти пленные, армия Тьера была бы ничтожна до смешного. Версальская полиция должна была во время этой войны наблюдать за версальской армией, а жандармы должны были всегда увлекать за собой эту армию, становясь на самые опасные пункты. Павшие форты были не завоеваны, а куплены. Геройство коммунаров показало Тьеру, что для преодоления сопротивления Парижа не достаточно ни его стратегического гения, ни находящегося в его распоряжении количества штыков.

Между тем его отношения с провинциями становились все более натянутыми. В Версале не получили ни одного сочувственного адреса, который мог бы хоть сколько-нибудь ободрить Тьера и его «помещичьих депутатов». Наоборот, со всех сторон прибывали депутации и письменные обращения, настаивавшие далеко не в почтительном тоне на примирении с Парижем на основе недвусмысленного признания республики, утверждения коммунальных свобод и роспуска Национального собрания, срок полномочий которого уже истек. Депутаций и письменных обращений появлялось столько, что Дюфор, министр юстиции Тьера, приказал государственным прокурорам в циркуляре от 23 апреля считать «воззвания к примирению» преступлением. Видя безнадежность похода против Парижа, Тьер решил переменить тактику и назначил на 30 апреля муниципальные выборы для всей страны по новому закону, навязанному им Национальному собранию. Действуя то интригами своих префектов, то угрозами своей полиции, он был уверен, что выборы в провинциях дадут Национальному собранию

такую нравственную силу, которой оно никогда не имело; он надеялся также, что провинции дадут ему материальную силу для покорения Парижа.

Свою разбойничью войну против Парижа, восхваляемую в его собственных бюллетенях, и попытки его министров установить террор во всей Франции Тьер решил дополнить маленькой комедией примирения, которая должна была служить нескольким целям: она должна была обмануть провинцию, привлечь к нему элементы среднего класса Парижа и, главное, дать возможность мнимым республиканцам Национального собрания прикрыть доверием к Тьеру свою измену по отношению к Парижу. 21 марта, когда у Тьера еще не было армии, он сказал перед Национальным собранием: «Будь что будет, а я не пошлю войска в Париж». 27 марта он снова объявил: «Я вступил в должность, когда республика была уже совершившимся фактом, и я твердо решил охранять ее». В действительности же он именем республики подавил революцию в Лионе и в Марселе [28], а его «помещичьи депутаты», заслышав слово «республика», заглушали его воем. После этого он «совершившийся факт» стал считать лишь предполагаемым фактом. Орлеанские принцы, которых он из предосторожности выжил из Бордо, теперь интриговали в Дре, открыто нарушая закон. Условия, о которых Тьер говорил в своих бесконечных совещаниях с парижскими и провинциальными депутатами, — как ни противоречивы были его заявления по тону и оттенку, меняясь в зависимости от времени и обстоятельств, — всегда сводились к тому, что необходимо отомстить «той кучке преступников, которые виновны в убийстве Клемана Тома и Леконта». Конечно, при этом само собою подразумевалось, что Париж и Франция считают самого Тьера лучшей республикой, подобно тому как Тьер в 30-х годах признавал наилучшей республикой Луи-Филиппа. Однако даже и эти уступки он старался сделать сомнительными теми официальными комментариями, которые давались его министрами в Национальном собрании. Но, не удовлетворяясь этим, он действовал еще и через Дюфора. Старый орлеанистский адвокат Дюфор постоянно при осадном положении играл роль верховного судьи как теперь, в 1871 г., при Тьере, так и в 1839 г. при Луи-Филиппе и в 1849 г. во время президентства Луи Бонапарта. Когда он не занимал должности министра, он обогащался, защищая парижских капиталистов, а нападая на законы, изданные им же, он наживал политический капитал. Не довольствуясь

поспешным проведением через Национальное собрание ряда репрессивных законов, которые должны были в случае падения Парижа уничтожить последние остатки республиканской свободы во Франции, он как бы указывал на будущую участь Парижа следующей мерой: делопроизводство военных судов казалось ему чересчур длинной процедурой — он сократил ее и издал новый драконовский закон о ссылке. Революция 1848 г., уничтожив смертную казнь за политическое преступление, заменила ее ссылкой. Луи Бонапарт не решился, по крайней мере открыто, восстановить гильотину. Версальскому помещичьему собранию, которое еще не осмеливалось даже намекнуть, что парижане в его глазах не бунтовщики, а разбойники, пришлось пока ограничить подготовку мести против Парижа новым дюфоровским законом о ссылке. При таких обстоятельствах Тьер не мог бы долго тянуть свою комедию примирения, да к тому же эта комедия вызвала — чего он в сущности и желал — бешеную ярость «помещичьих депутатов», которые из-за своего тупоумия не могли понять ни его игры, ни необходимости его лицемерия, притворства и медлительности.

Ввиду предстоявших 30 апреля муниципальных выборов Тьер разыграл 27 апреля одну из своих сцен примирения. Среди потока сентиментальных фраз он, между прочим, воскликнул с трибуны Национального собрания: «Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь. Но я повторяю еще и еще раз: пусть сложат свое нечестивое оружие те, которые его подняли, и мы, остановив меч правосудия, заключим мирный договор, из которого будет исключена только кучка преступников». В ответ на яростные крики «помещичьих депутатов», перебивавших его речь, он сказал: «Скажите мне, господа, убедительно прошу вас, разве я не прав? Разве вы действительно жалеете, что я мог сказать по справедливости, что преступников только кучка? Разве среди наших бедствий вы не почтете счастьем, что люди, которые были способны пролить кровь генералов Леконта и Клемана Тома, являются редким исключением?»

Однако Франция оставалась глуха к речам Тьера, льстившего себя надеждой пленить всех пением парламентской сирены. Из 700 000 муниципальных советников, выбранных в оставшихся французскими 35 000 общин, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не могли вместе провести даже 8 000 своих приверженцев. Дополнительные выборы и пере-

баллотировки привели к результатам, еще более враждебным правительству Тьера. Национальное собрание не только не получило необходимой ему материальной поддержки от провинции, но потеряло последнее право на роль нравственной силы: право служить выражением всеобщей подачи голосов Франции. В довершение поражения вновь избранные муниципальные советники всех французских городов угрожали узурпировавшему власть Версальскому собранию контрсобранием в Бордо.

Для Бисмарка настала тогда долгожданная минута энергичного вмешательства. Тоном повелителя он приказал Тьеру немедленно прислать во Франкфурт уполномоченных для окончательного заключения мира. Униженно и покорно поспешил Тьер исполнить приказание своего хозяина и господина и послал во Франкфурт верного ему Жюля Фавра в сопровождении Пуйэ-Кертье. Пуйэ-Кертье — «известный» руанский хлопчатобумажный фабрикант, горячий, даже холопский, сторонник Второй империи, не видевший в ней ничего скверного, кроме торгового договора с Англией, который вредил интересам его как фабриканта. Как только Тьер еще в Бордо назначил его министром финансов, он начал нападать на этот «злосчастный» договор, намекать на то, что он будет скоро отменен, и был настолько бесстыден, что попробовал, хотя и безуспешно (так как не спросил разрешения Бисмарка), снова ввести старые протекционные пошлины против Эльзаса, чему, по его словам, не мешали тогда никакие прежние международные договоры. Этот человек смотрел на контрреволюцию как на средство понижения заработной платы в Руане, а на уступку французских провинций как на средство повысить цены на свои товары во Франции. Разве этот человек не был предназначен для того, чтобы Тьер выбрал его в помощники Жюля Фавра для последнего, увенчавшего все его дело предательства?

Когда эта милая пара уполномоченных приехала во Франкфурт, Бисмарк по-солдатски, как обыкновенно, скомандовал: «Или восстановление империи, или беспрекословное принятие моих условий мира!» Условия его состояли в сокращении сроков уплаты военной контрибуции и занятии парижских фортов прусскими войсками до тех пор, пока Бисмарк не будет иметь оснований быть довольным положением дел во Франции. Таким образом, Пруссия была признана верховным судьею внутренних дел Франции. Зато он выразил полную готовность отпустить из плена бонапартовскую армию для истребления Парижа и в случае

нужды подкрепить ее войсками императора Вильгельма. В залог того, что он сдержит свое слово, он отсрочил уплату первой части контрибуции до «умиротворения» Парижа. Тьер и его уполномоченные набросились, конечно, на такую приманку с жадностью. 10 мая они подписали договор, и уже 21 мая он был благодаря их стараниям утвержден Национальным собранием.

В промежуток времени от заключения мира до возвращения из плена бонапартовских войск Тьер, более чем когда-либо, находил нужным продолжать свою комедию примирения. Это было тем более необходимо, что его республиканские приспешники крайне нуждались в подходящем предлоге, чтобы смотреть сквозь пальцы на подготовку кровавой бойни в Париже. Еще 8 мая он ответил депутации среднего класса, пришедшей уговаривать его примириться: «Как только инсургенты согласятся на капитуляцию, ворота Парижа будут на неделю открыты для всех, кроме убийц генералов Леконта и Клемана Тома».

Несколько дней спустя, когда «помещичьи депутаты» потребовали от него объяснения по поводу этого обещания, он уклонился от ответа, но многозначительно заметил: «Говорю вам, что между нами есть нетерпеливые люди, которые слишком уже спешат. Пусть потерпят еще неделю; в конце недели уже не будет никакой опасности, и задача будет как раз по силам их решимости и способностям». Как только Мак-Магон смог дать ему обещание, что он скоро вступит в Париж, Тьер заявил Национальному собранию, что он «войдет в Париж с *законом* в руках и заставит мерзавцев, проливших кровь солдат и разрушивших публичные памятники, поплатиться за свои преступления». Когда наступила решительная минута, он заявил Национальному собранию, что он «не даст пощады» Парижу, что приговор ему уже произнесен, а своим бонапартовским разбойникам, — что правительство позволяет им мстить Парижу сколько им угодно. Наконец, когда измена открыла 21 мая генералу Дуэ ворота Парижа, Тьер открыл 22 мая своим «помещичьим депутатам» «цель» своей комедии примирения, которой они так упорно не хотели понять: «Я говорил вам несколько дней назад, что мы приближаемся к *нашей цели;* сегодня я пришел сказать вам, что мы достигли *ее*. Порядок, справедливость и цивилизация, наконец, одержали победу!»

Да, это была победа. Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда рабы и угнетенные восстают против

господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство против присваивающих его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывалыми гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 г. Самоотверженный героизм, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того, как версальцы ворвались в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские подвиги солдатчины отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были. Поистине великолепна эта цивилизация, которая очутилась перед трудной задачей, куда девать груды трупов людей, убитых ею уже после окончания боя!

Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его кровавых собак, надо вернуться ко временам Суллы и обоих римских триумвиратов. То же хладнокровное массовое избиение людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же пытка пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы расстреливать пленных толпами, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация».

Наряду с этими зверствами посмотрите теперь на другую, еще более омерзительную сторону этой буржуазной цивилизации, описанную ее собственной печатью!

Парижский корреспондент одной лондонской консервативной газеты пишет: «Вдали раздаются еще выстрелы; раненые, брошенные на произвол судьбы, умирают между памятниками кладбища Père la Chaise; 6 000 инсургентов в предсмертной борьбе отчаяния бродят, заблудившись в лабиринтах катакомб; по улицам гонят толпы несчастных, чтобы расстрелять их митральезами. Возмутительно видеть в такую минуту, как различные господа себя увеселяют в кафе, попивая абсент, играя на биллиарде и в домино, а кокотки нагло разгуливают по бульварам; возмутительно слышать, как громкие крики оргий, раздающиеся из отдельных кабинетов богатых ресторанов, нарушают ночную тишину!» Г-н Эдуард Эрве пишет в «Journal de Paris», версальской газете, запрещенной Коммуной: «Форма,

в которой парижское население (!) вчера выражало свою радость, действительно более чем легкомысленна, и мы боимся, что дальше будет еще хуже. Париж имеет праздничный вид, что совершенно неуместно; если мы не хотим заслужить имени парижан «времен упадка», то надо это прекратить». Затем он приводит выдержку из Тацита: «И вот на следующее утро после этой ужасной борьбы и даже раньше, чем она была совершенно закончена, Рим, подлый и развратный, снова опустился в то болото распутства, которое разрушало его тело и оскверняло его душу, — alibi proelia et vulnera, alibi balnea popinaeque» [здесь битвы и раны, там бани и рестораны]. Г-н Эрве забывает лишь, что то «парижское население», о котором он говорит, есть только население тьеровского Парижа, Парижа шулеров, набежавших толпами из Версаля, Сен-Дени, Рюэля и Сен-Жермена; это действительно Париж «времен упадка».

Эта преступная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое, лучшее общество, воем травли и клеветы, которая отдается эхом во всех концах света. Спокойный Париж рабочих, Париж Коммуны, превращается внезапно, под руками этих алчущих крови сторожевых псов «порядка», в какой-то ад. Что говорит это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Парижский народ с воодушевлением жертвует собою за Коммуну: ни в одной из происходивших до сих пор битв не было столько убитых. Что это значит? Только то, что Коммуна эта была не правительством народа, а насильственным захватом власти кучкой преступников! Парижские женщины с радостью умирают и на баррикадах и на месте казни. Что это значит? Только то, что злой дух Коммуны сделал из них Мегер и Гекат! Умеренность Коммуны во все время ее двухмесячного полного господства может сравниться только с геройским мужеством ее защиты. Что это значит? Только то, что Коммуна в течение двух месяцев скрывала под личиной умеренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, с тем чтобы дать ей свободно вылиться во время предсмертной агонии!

Рабочий Париж в своем геройском самопожертвовании предал огню также здания и памятники. Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются с торжеством вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!»

и нашептывает своим прихвостням вплоть до самых далеких деревень такой лозунг: «Травите всех моих врагов, как простых поджигателей». Буржуазия всего мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда «оскверняют» кирпич и штукатурку!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, *жечь* и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда английские войска бессмысленно сожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора, — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести, облив керосином, как это было в Шатодэн, сжигали города и многочисленные деревни — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, уверяя, что желает разрушить только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? — На войне огонь — вполне законное оружие, как и всякое другое. Здания, которые занял неприятель, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами их поджигают, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, мешающих какой бы то ни было регулярной армии, — быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной справедливой войне, какую только знает история, такой поступок считают, видите ли, преступлением! Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман предусмотрительно приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, посылали впереди себя гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопросом, какие здания зажжены были наступавшими, какие — оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые расстрелы пленных. К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше правительство национальной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену. Для этого Трошю и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что враги ее очень мало интересовались парижским народом,

но очень дорожили своими домами в Париже. А Тьер, со своей стороны, объявил, что он будет мстить беспощадно. Когда, с одной стороны, армия его уже была готова к бою, а с другой — пруссаки запирали все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление должно быть полное, суд строгий!» Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм историк оправдал, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в титанической борьбе нового, нарождавшегося общества против разлагавшегося старого. И уже всего менее походил поступок Коммуны на вандализм Османа, уничтожившего исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев!

А совершенная Коммуной казнь шестидесяти четырех заложников во главе с парижским архиепископом! В июне 1848 г. буржуазия и ее армия восстановили давно уже исчезнувший военный обычай расстрела беззащитных пленных. После этого этот зверский обычай более или менее часто практиковался при всех расправах с народными восстаниями в Европе и Индии, что ясно доказывает, что он является действительным «прогрессом цивилизации»! С другой стороны, пруссаки во Франции снова ввели обычай брать заложников — ни в чем не повинных людей, которые своей жизнью должны были отвечать за действия других. Когда Тьер, как мы видели, еще в начале войны ввел гуманный обычай расстрела пленных коммунаров, Коммуне не оставалось больше никаких средств для спасения жизни этих пленных, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Продолжая, тем не менее, расстреливать пленных, версальцы сами отдавали на казнь своих заложников. Как же можно было еще дольше щадить их жизнь после той кровавой бани, которой преторианцы [29] Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя защита от не останавливающегося ни перед чем зверства буржуазного правительства — взятие заложников — должна была остаться только шуткою? Истинный убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и многих других попов на одного только Бланки, которого так крепко держал Тьер. Но последний упорно отказывался от этой мены. Он знал,

что в лице Бланки он даст Коммуне голову, архиепископ же гораздо более будет полезен ему, когда будет трупом. В этом случае Тьер подражал Кавеньяку. Как были в июне 1848 г. возмущены Кавеньяк и его «люди порядка», когда они обвиняли инсургентов в убийстве архиепископа Аффра! На деле они прекрасно знали, что архиепископ был застрелен солдатами «партии порядка». Жакмэ, генеральный викарий архиепископа, бывший очевидцем, сейчас же после происшествия публично засвидетельствовал им это.

То, что «партия порядка» после всех своих кровавых оргий распространяла столько клеветы о своих жертвах, доказывает лишь, что наши буржуа считают себя законными наследниками прежних феодалов, которые признавали за собой право употреблять против плебеев всякое оружие, но считали преступлением, если плебеи брались сами за какое бы то ни было оружие.

Заговор господствующего класса для подавления революции при помощи гражданской войны под покровительством чужеземного завоевателя, заговор, который мы проследили с 4 сентября до вступления преторианцев Мак-Магона в ворота Сен-Клу, этот заговор закончился кровавой бойней в Париже. Бисмарк самодовольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно, видит в них первый шаг ко всеобщему разрушению больших городов; ведь он любил мечтать об этом, когда он был еще только простым помещиком — депутатом прусской chambre introuvable [беспобедной палаты] 1849 г. Он самодовольно любуется трупами парижских пролетариев. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, которая теперь в самом деле обезглавлена, и притом самим же французским правительством. Поверхностный, как все преуспевающие государственные мужи, он видит лишь внешнюю сторону этого громадного исторического события. Разве видели до сих пор в истории победителя, который решился бы увенчать свою победу ролью жандарма и наемного убийцы в руках побежденного правительства? Между Пруссией и Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала, как подлый наемный убийца, потому что взялась за такое дело, которое не представляло для нее никакой опасности, как наемный убийца, потому что она обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов — этой кровавой цены убийства. Вот тут то и проявился

истинный характер войны, которая была послана провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукой глубоконравственной и набожной Германии! Это небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира вместо того, чтобы заставить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне закона преступное прусское правительство, бывшее простым орудием в руках Петербургского кабинета, дало им только повод обсуждать вопрос, — не выдать ли версальскому палачу и те немногие жертвы войны, которым удалось проскользнуть через двойную цепь, окружающую Париж!

После самой ужасной войны новейшего времени победившая армия и побежденная армия соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат. Такое неслыханное событие доказывает не то, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательно поражение, как думал Бисмарк, — нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едино суть.

После троицына дня 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Хотя железная рука наемной солдатчины и может придавить на время оба эти класса, но борьба их снова загорится и неизбежно будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. Французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства подавлением Парижа показывают на деле международный характер классового господства, а сами вопят в то же время на весь мир, что главной причиной этого несчастья является Международное Товарищество Рабочих, т. е. международная организация труда против всемирного заговора капитала. Тьер обвиняет эту организацию в том, что она — деспот труда, а выдает

себя за освободителя труда. Пикар запретил все сношения французских членов Интернационала с заграничными членами его; граф Жобер, ставший уже мумией, бывший соучастник Тьера по 1835 г., заявил, что каждое правительство должно ставить своей главной задачей искоренение Интернационала. «Помещичьи депутаты» поднимают против него рев, а европейская печать хором поддерживает их. Один почтенный французский писатель, ничего общего не имеющий с нашим Товариществом, сказал о нем: «Члены Центрального комитета Национальной гвардии и большая часть членов Коммуны — самые деятельные, ясные и энергичные головы Международного Товарищества Рабочих. Это — люди вполне честные, искренние, умные, полные самоотвержения, чистые и фанатичные в *лучшем* смысле этого слова». Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, при каких бы условиях она ни происходила, каково бы ни было ее содержание, — везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Товарищества. Та почва, из которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить прежде всего деспотическое господство капитала над трудом, т. е. искоренить основу своего собственного паразитического существования.

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов.

Лондон. High Holborn. W. C.
30 мая 1871 г.

*Написано К. Марксом и утверждено на заседании Генерального Совета.*

*Опубликовано отдельной брошюрой на английском языке.*

1. «Колонна арестованных остановилась на Авеню Урих и выстроилась по четыре или пять человек в ряд на тротуаре вдоль улицы. Генерал маркиз де-Галифе и его штат спешились и начали осмотр с левого фланга. Медленно двигаясь и осматривая ряды, генерал останавливался то тут, то там, хлопая какого-нибудь человека по плечу или вызывая кивком головы кого-либо из задних рядов. В большинстве случаев, без дальнейших разговоров, человек, выбранный таким образом, выходил на середину улицы, где вскоре образовалась отдельная колонна. ...Ясно, что тут был значительный простор для ошибок. Офицер верхом на лошади указал генералу Галифе на мужчину и женщину, будто бы виновных в особом преступлении. Женщина, выбежав из рядов, бросилась на колени с вытянутыми вперед руками и в страстных выражениях уверяла в своей невиновности. Генерал выждал некоторое время и с бесстрастным лицом и безучастным видом сказал: «Мадам, я бывал во всех театрах Парижа, — не утруждайте себя и не играйте комедии». ...Было плохо в этот день оказаться значительно выше, грязнее, чище, старше или некрасивее своих соседей. Один человек особенно поразил меня. Очевидно, он скорее других избавился от бремени жизни благодаря сломанному носу. ...Когда больше сотни было выбрано таким образом и был назначен отряд расстреливающих, колонна двинулась вперед, оставив их позади. Несколько минут спустя позади нас раздался залп, и огонь продолжался в течение приблизительно четверти часа. Это была казнь тех наспех осужденных бедняг» (парижский корреспондент «Daily News», 8 июня). Этот Галифе, «который был на содержании у своей жены, знаменитой своим постыдным поведением на оргиях Второй империи», во время войны был известен под названием французского прапорщика Пистоля.

«Temps» — газета осторожная и не падкая на сенсации, рассказывает ужасную историю о людях, не застреленных до смерти и похороненных прежде, чем их жизнь угасла. Большое количество из них было зарыто в сквере вокруг St. Jacques la Bouchière, многие из них очень неглубоко. Днем уличный шум мешал это слышать, но в тишине ночи обитатели домов, находящихся по соседству, просыпались от отдаленных стонов, а утром они видели, как сжатая в кулак рука высовывается из-под земли. Вследствие этого было предписано откопать зарытых. У меня нет ни малейшего со-

мнения в том, что многих раненых похоронили еще при жизни. Один факт я могу засвидетельствовать. Когда Брюнель был застрелен вместе со своей возлюбленной 24-го во дворе одного дома на Вандомской площади, тела лежали там до вечера 27-го. Когда погребальный отряд явился, чтобы убрать тела, он увидел, что женщина еще жива, и отвез ее в больницу. Хотя в нее попали четыре пули, она теперь вне опасности» (парижский корреспондент «Evening Standart», 8 июня).

2. *Редактору газеты «Times».* Милостивый государь! 6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он призывал их к борьбе с Международным Товариществом Рабочих — к борьбе не на живот, а на смерть. Для характеристики этого документа достаточно всего лишь нескольких замечаний.

Уже во введении к нашему уставу указывалось, что Интернационал был основан 28 сентября 1864 г. на публичном собрании в St. Martin's Hall, Long Acre, London. По причинам, лучше всего известным ему самому, Жюль Фавр переносит дату его возникновения на время до 1862 г.

Для иллюстрации наших принципов он берется цитировать «его (Интернационала) листовку от 25 марта 1869 г.» Но что же он в действительности цитирует? Листовку одного общества, которое вовсе не является Интернационалом. Такого же рода маневры он уже проделывал, будучи еще довольно молодым адвокатом, во время защиты парижской газеты «National» от обвинения в клевете, возбужденного против нее Кабе. Тогда он, пообещав привести выдержки из брошюр Кабе, прочитал в действительности им же самим вставленные предложения. Этот подлог был обнаружен еще во время судебного заседания, и если бы не снисходительность Кабе, Жюль Фавр был бы наказан исключением из парижской адвокатской корпорации. Из всех документов, которые Жюль Фавр цитирует в качестве документов Интернационала, ни один не принадлежит Интернационалу. Так, например, он заявляет: «Альянс объявляет себя атеистическим, как это говорит Генеральный Совет, учрежденный в Лондоне в июле 1869 г.» «Генеральный же Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив, он опубликовал документ, объявлявший недействительным настоящий устав «Альянса»— Альянса социалистической демократии в Женеве, — который как раз Жюль Фавр и цитирует.

Во всем этом циркуляре, направленном как будто бы в известной части также и против империи, Жюль Фавр лишь повторяет те полицейские вымыслы наполеоновских

прокуроров, которые были опровергнуты даже перед судом самой империи.

Известно, что в своих двух воззваниях (от июля и сентября прошлого года) о последней войне Генеральный Совет Интернационала разоблачил завоевательные планы Пруссии против Франции. Впоследствии г. Рейтлингер, личный секретарь Жюля Фавра, обращался, и, разумеется, напрасно, к некоторым членам Генерального Совета с просьбой демонстративно выступить против Бисмарка для поддержки правительства национальной обороны; при этом их особенно просили не упоминать о республике. Приготовления к демонстрации, ввиду ожидавшегося прибытия Жюля Фавра в Лондон, были сделаны, — несомненно с самыми лучшими намерениями, — но вопреки желанию Генерального Совета, который в своем воззвании от 9 сентября определенно и заранее предостерегал парижских рабочих в отношении Жюля Фавра и его коллег.

Что сказал бы тот же Жюль Фавр, если бы Генеральный Совет Интернационала обратился в свою очередь с циркуляром о Жюле Фавре ко всем европейским кабинетам, предлагая их особому вниманию документы, опубликованные в Париже покойным Миллером?

Остаюсь, милостивый государь, ваш покорный слуга

*Джон Хейлз.*

Секретарь Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих.

Печатается по тексту, опубликованному в «Volksstaat» от 21 июня 1871 г.

*Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом. Напечатано в «Times» 13 июня. Текст был утвержден Генеральным Советом.*

256. High Holborn, W. C. London
12 июня 1871 г.

В статье о «Международном Товариществе и его целях» лондонский «Spectator», в качестве благочестивого доносчика, цитирует вместе с другими подобными же художествами, — делая это еще более основательно, чем это сделал Жюль Фавр, — упомянутый выше документ «Альянса» как произведение Интернационала. Он напечатал это одиннадцать дней спустя после того, как вышеприведенное опровержение было опубликовано в газете «Times». Это нас не удивляет. Уже Фридрих Великий говорил, что из всех иезуитов протестантские хуже всех.

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитата из второго воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны. Маркс предвидел, что после потери Эльзас-Лотарингии Франция будет искать себе союзника против Германии в первую очередь в лице царской России. 1 сентября 1870 г. Маркс писал Зорге: «Теперешняя война ведет — чего прусские ослы не понимают — с такой же необходимостью к войне между Германией и Россией, с какой война 1866 г. привела к войне между Пруссией и Францией. Это — *наилучший результат*, какого я жду от войны для Германии... Кроме того, такая война № 2 будет повивальной бабкой неизбежной в России социальной революции» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXVI, стр. 71). — 8.

[2] Монархисты во Франции делились на три партии: *легитимистов* — сторонников «легитимной» («законной») монархии Бурбонов, *орлеанистов* — сторонников династии Орлеанов и *бонапартистов* — сторонников Луи Бонапарта. — 10.

[3] 2 декабря 1851 г. президент французской республики Луи Бонапарт совершил государственный переворот, разогнал Национальное собрание и через год провозгласил себя императором. — 10.

[4] *Второй империей* называется империя Луи Бонапарта—Наполеона III (1852—1870 гг.), в отличие от Первой империи Наполеона I (1804—1814 гг.). — 10.

[5] *Плебисцит* (всенародное голосование) был проведен Наполеоном III в мае 1870 г. в целях укрепления империи и подрыва республиканской агитации в стране. Правительственный аппарат наполеоновской империи использовал все меры давления на избирателей и демагогии, в результате чего плебисцит создал видимость одобрения мероприятий Наполеона III большинством народа. — 20.

[6] 19 июля 1870 г. началась франко-прусская война. — 21.

[7] Речь идет об «обществе 10 декабря», организованном Луи Бонапартом из подонков различных классов населения и названном так в память дня избрания Луи Бонапарта президентом французской республики (10 декабря 1848 г.). — 22.

[8] *Битва при Садовой* (Богемия) была решающим сражением в австро-прусской войне 1866 г., которая закончилась победой Пруссии над Австрией. — 22.

[9] 2 сентября французская армия была разбита при Седане и вместе с императором попала в плен, 4 сентября во Франции была провозглашена республика и сформировано новое правительство, так называемое «правительство национальной обороны». — 25.

[10] *Тильзитский мир* был заключен в 1807 г. между Францией и Россией после военного разгрома Пруссии. По договору Пруссия

потеряла почти половину своей территории, обязалась выплатить контрибуцию, сократить армию и закрыть все порты для английских судов. — 28.

[11] Луи Бонапарт обещал Бисмарку в 1865 г. нейтралитет Франции в случае австро-прусской войны. В 1870 г. русский министр иностранных дел Горчаков обещал Бисмарку нейтралитет России в франко-прусской войне. — 29.

[12] В 1907 г. Ленин писал в своем предисловии к русскому переводу писем Маркса к Кугельману: «Маркс в *сентябре* 1870 года, *за полгода* до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала...

И как он повел себя, когда это *безнадежное*, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунароз, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие»?

Нет...

Маркс, назвавший в сентябре 1870 г. восстание безумием, в апреле 1871 г., видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это — *попытка*, говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским *«геройским»* рабочим. «Какая гибкость, — пишет он, — какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!»... «История не знает еще примера подобного героизма»...

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед *исторической инициативой* масс, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие!» Разве это не небо и земля?» (См. Соч. Ленина, т. X, стр. 364—365.) — 31.

[13] Маркс имеет в виду большую митинговую кампанию за признание французской республики, развернутую в Англии среди рабочих по инициативе Маркса и Генерального Совета I Интернационала. — 32.

[14] Во время гражданской войны в Америке (1861—1865 гг.) между промышленным Севером и плантаторским рабовладельческим Югом английская буржуазная пресса встала на защиту Юга, т. е. рабовладельческого строя. — 32.

[15] В немецком издании — Карл Фогт, во французском — Фальстаф. *Джо Миллер* — известный английский актер XVIII века. *Карл Фогт* — немецкий буржуазный демократ, ставший агентом Наполеона III. *Фальстаф* — в драматических произведениях Шекспира тип проходимца и хвастуна. — 36.

[16] Прозвище неаполитанского короля Фердинанда II, по приказанию которого восставший город Палермо был подвергнут бомбардировке в течение двух суток. — 37.

[17] Французские войска были посланы в апреле 1849 г. в Италию для подавления итальянской революции. Они бомбардировали революционный Рим, что было вопиющим нарушением французской

конституции, гласившей, что республика «никогда не употребляет своей силы для подавления свободы какого бы то ни было народа». — 38.

[18] Имеется в виду подавление июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г. — 38.

[19] «*Партия порядка*» объединяла монархическую крупную буржуазию и помещиков. «*Партия порядка* образовалась сейчас же после июньских дней, но только после 10 декабря [1848 г.], когда она развязалась с буржуазными республиканцами, с кликой «Националя», открылась тайна ее существования: *коалиция орлеанистов и легитимистов в одну партию» (Маркс).* — 38.

[20] Открывшееся 13 февраля в Бордо Национальное собрание состояло в своем огромном большинстве из явных монархистов (из 750 депутатов — 450 монархистов) — представителей помещиков и реакционных слоев города и деревни. Отсюда название «собрание деревенщины» или «помещичья палата». — 41.

[21] *Шейлок* — тип ростовщика в драме Шекспира «Венецианский купец». — 41.

[22] *Кайенна* — главный город французской Гвианы, в Южной Америке, место ссылки. — 44.

[23] *Роялисты* — сторонники королевской власти. — 44.

[24] 18 апреля Коммуна опубликовала декрет об отсрочке платежей по долговым обязательствам на три года. — 59.

[25] В церкви св. Лаврентия были обнаружены кости женщин, изнасилованных монахами и заживо погребенных в склепах. При церкви Пикпус под видом сумасшедших содержались женщины, обреченные на ту же участь. — 63.

[26] *Ирландские абсентеисты* — крупные землевладельцы, прокучивавшие свои «доходы» вне страны, жившие почти беспрерывно вне своих поместий («абсентеист» значит «отсутствующий»). — 64.

[27] *Кобленц* — город в Германии, центр французской контрреволюционной дворянской эмиграции во время французской буржуазной революции конца XVIII в. — 65.

[28] 23 марта в Марселе была провозглашена Коммуна, а 24 марта — в Лионе. В обоих городах революция была подавлена правительством Тьера. — 67.

[29] *Преторианцами* в древнем Риме называли личную гвардию полководца или императора, находившуюся на его содержании и пользовавшуюся различными привилегиями. Здесь под преторианцами подразумевается армия версальцев. — 74.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

*Александр II* (1818—1881) — русский царь (1855—1881). — 29.

*Аффр* (1793—1848) — парижский архиепископ. В июне 1848 г. сделал попытку примирить сражавшихся на баррикадах рабочих с солдатами и был расстрелян правительственными войсками. — 75.

*Бело* (1795—1878) — член французской секции Интернационала, прудонист, член Парижской коммуны. — 40.

*Беррийская герцогиня* (1798—1870) — вдова убитого в 1820 г. герцога Беррийского, представителя старшей линии династии Бурбонов. — 37.

*Бисмарк* (1815—1898) — с 1862 г. глава правительства Пруссии, с 1871 г. — канцлер германской империи. — 7, 8, 10, 29, 35, 36, 39, 40, 42, 43, 56, 63, 65, 66, 69, 75, 76, 80.

*Бланки* (1805—1881) — французский революционер, социалист. — 14, 42, 46, 74, 75.

*Брюнель* (1830—1871) — бланкист, член ЦК Национальной гвардии, член Парижской коммуны. Убит версальцами 24 мая 1871 г.—79.

*Вайян* (1840—1915) — член Парижской коммуны, бланкист, член Генерального Совета I Интернационала. — 15.

*Валантен* — бонапартист, префект полиции. — 42, 43, 66.

*Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король с 1861 г., германский император с 1871 по 1888 г. — 25, 26, 70.

*Винуа* (1800—1880) — французский генерал, бонапартист. — 42, 43, 45, 46, 47, 48.

*Вольтер* (1694—1778) — французский философ и писатель XVIII века, один из выдающихся представителей просветительной философии во Франции. — 49.

*Галифе* (1830—1909) — французский генерал, палач Парижской коммуны. — 48, 49, 78.

*Гамбетта* (1838—1882) — буржуазный республиканец; министр внутренних дел в правительстве «национальной обороны». — 34.

*Ганеско* (1830—1877) — французский консервативный публицист, родом из Румынии, с 1868 г. — редактор бонапартистского журнала. — 61.

*Геккерен (Дантес)* — убийца великого русского поэта А. С. Пушкина, один из активных участников переворота 2 декабря 1851 г., бонапартист. — 47.

*Гексли* (1825—1895) — английский ученый — естествоиспытатель друг и последователь Дарвина. — 59.

*Гизо* (1787—1874) — французский государственный деятель, историк, орлеанист; в годы июльской монархии был несколько раз министром, в 1840—1847 гг. министр иностранных дел и фактический глава правительства, премьер в 1847—1848 гг. — 38.

*Гио* — французский генерал. — 35.

*Гогенцоллерны* — с 1701 г. династия прусских королей, а с 1871 г. — германских императоров. Свергнута революцией 9 ноября 1918 г. — 22, 62.

*Дарбуа* (1813—1871) — парижский архиепископ. — 74.

*Дуэ* — французский генерал. — 70.

*Дюваль* (1841—1871) — рабочий-литейщик, бланкист, член I Интернационала, член ЦК Национальной гвардии, член военной и исполнительной комиссий Парижской коммуны. — 48.

*Дюфор* (1798—1881) — орлеанист, министр юстиции в правительстве Тьера в 1871—1873 гг. — 42, 48, 66, 67.

*Жакмэ* — генеральный викарий парижского архиепископа. — 75.

*Жобер* (1798—1874) — орлеанист, член Национального собрания, министр общественных работ в версальском правительстве Тьера. — 77.

*Кавеньяк* (1802—1857) — французский генерал, буржуазный республиканец; в 1848 г. подавил июньское восстание рабочих в Париже. — 75.

*Калонн-де* (1734—1802) — министр финансов Людовика XVI. — 65.

*Корбон* (1808—1891) — французский политический деятель и публицист; после 4 сентября 1870 г. — мэр 15-го округа Парижа. — 84.

*Коэтлогон* (1814—1886) — французский чиновник. — 47.

*Леконт* (1817—1871) — французский генерал. — 45, 46, 50, 67, 68, 70.

*Лефло* (1804—1887) — военный министр в правительстве «национальной обороны». — 46, 50.

*Луи-Филипп* (1773—1850) — французский король (1830—1848). — 9, 10, 37, 38, 39, 45, 56, 67.

*Людовик XVI* (1754—1793) — французский король (1774—1792). — 13.

*Мак-Магон* (1808—1893) — французский маршал, палач Парижской коммуны; с 1873 по 1879 г. — президент французской республики. — 70, 74, 75.

*Мильер* (1817—1871) — левый прудонист, журналист, участник Парижской коммуны; 26 мая 1871 г. расстрелян версальцами. — 35.

*Мирабо, граф* (1749—1791) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII века. — 38.

*Монтескье* (1689—1755) — французский мыслитель и публицист. — 56.

*Наполеон I* (1769—1821) — французский император с 1804 по 1814 г. — 13, 17, 24, 28, 39, 61.

*Наполеон III* (Луи Бонапарт, 1808—1873) — французский император с декабря 1852 г. по сентябрь 1870 г. — 7, 10, 11, 20, 22, 25, 26, 29, 30, 32, 33, 35, 38, 39, 41, 44, 46, 52, 56, 61, 62, 63, 64, 67, 68.

*Орель-де-Паладин* (1804—1877) — французский генерал. — 42, 43, 45.

*Орлеаны* — младшая ветвь французской королевской династии Бурбонов. — 62.

*Осман* (1809—1891) — префект Парижа в годы Второй империи. Провел ряд работ по проложению новых улиц и пр. в целях облегчения борьбы с рабочими восстаниями. — 62, 73, 74.

*Паликао* (1796—1879) — французский генерал; с 9 августа по 4 сентября 1870 г. был военным министром. — 42.

*Пен* — французский журналист, бонапартист. — 47.

*Пикар Эрнест* (1821—1877) — министр финансов в правительстве «национальной обороны», министр внутренних дел в правительстве Тьера. — 36, 42, 48, 77.

*Пикар Артур* — брат Пикара Эрнеста, авантюрист, редактор газеты «L'Electeur Libre», издававшейся правительством «национальной обороны». — 36.

*Прудон* (1809—1865) — французский экономист, идеолог мелкой буржуазии, анархист. — 15, 16.

*Пуйэ-Кертье* (1820—1891) — руанский фабрикант, бонапартист, министр финансов в правительстве Тьера.—42, 69.

*Пьетри* (1820—1902) — активный участник государственного переворота 2 декабря 1851 г., префект полиции во время Второй империи. — 22, 66.

*Симон* (1814—1896) — министр народного просвещения в версальском правительстве. — 42.

*Сулла* (138—78 до н. э.) — диктатор в древнем Риме. — 40, 71.

*Сэссэ* (1810—1879) — французский адмирал, монархист, член Национального собрания, один из палачей Парижской коммуны.—48.

*Сюзанн* — французский генерал.— 35.

*Тамерлан* (1336—1405) — основатель огромной среднеазиатской империи. Известен своей жестокостью к покоренным народам. В его собственной стране (столица Самарканд) его правление было гуманно (см. Маркс и Энгельс. Архив, т. VI, стр. 184—186). — 49.

*Тамизье* — французский генерал. — 46.

*Тацит* (ок. 55—120 н. э.) — известный римский историк. — 72.

*Толен* (1828—1897) — французский рабочий, прудонист, один из участников секции I Интернационала в Париже. После 4 сентября 1870 г. перешел на сторону версальцев и в 1871 г., как ренегат, исключен из Интернационала. —50.

*Тома* (1809—1871) — французский генерал, участвовавший в подавлении парижского пролетариата в июне 1848 г. 18 марта 1871 г. был расстрелян национальными гвардейцами. — 45, 46, 50, 67, 68, 70.

*Трошю* (1814—1896) — бонапартистский генерал, председатель правительства «национальной обороны» и одновременно генерал-губернатор Парижа. — 33, 34, 40, 44, 46, 73.

*Тьер* (1797—1877) — глава версальского правительства в 1871 г. и палач Коммуны; с 1871 по 1873 г. — президент третьей республики. — 12, 14, 21, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 53, 59, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77.

*Фавр* (1809—1880) — французский адвокат, буржуазный республиканец, в 1870 г. — член правительства «национальной обороны»,

министр иностранных дел в правительстве Тьера, один из организаторов подавления Парижской коммуны. — 34, 35, 36, 39, 42, 46, 48, 63, 69, 79, 80.

*Ферри* (1832—1893) — адвокат, секретарь правительства «национальной обороны», после 31 октября 1870 г. — мэр Парижа. В 80-х годах был премьер-министром и министром иностранных дел во Франции. — 36.

*Флуранс* (1838—1871) — французский журналист, бланкист, член ЦК Национальной гвардии, член военной комиссии Коммуны. Убит версальцами 3 апреля 1871 г. — 42, 46, 49.

*Эрве* (1835—1899) — французский журналист. — 71, 72.

*Эспартеро* (1793—1879) — испанский буржуазный политический деятель. — 37.

## СОДЕРЖАНИЕ

*От редакции* . . . . . 3
Введение Ф. Энгельса . . . . . 7
Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих. Первое воззвание о франко-прусской войне . . . . . 20
Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне . . . . . 25
Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих . . . . . 33
*Примечания* . . . . . 81
*Указатель имен* . . . . . 84

*К. Маркс.* Гражданская война во Франции.

Государственное издательство политической литературы. 1940 г.

Техред *В. Чуфаринов.* Отв. корректор *Э. Санович.*

Сдано в набор 4/VII 1939 г. Подписано в печать 29/XII 1939 г. Уполн. Главлита № А-22298. № изд-ва 1004. КЛ/МЭ. Формат 84×108¹/₃₂. 5¹/₂ печ. л. 37 362 тыс. зн. в 1 печ. л. Тираж 150 тыс. экз. Зак. № 542. Цена 85 коп.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.